

Литрес ≡ Классика

Николай Лейкин

ШУТЫ ГОРОХОВЫЕ.
КАРТИНКИ С НАТУРЫ

Николай Лейкин
**Шуты гороховые.
Картинки с натуры**

«ЛитРес»

1879

Лейкин Н. А.

Шуты гороховые. Картинки с натуры / Н. А. Лейкин — «ЛитРес»,
1879

У купца Амоса Потапыча Семишкурова подтасовались сразу три радости: Станислава на шею получил «за благочестие и позлащение иконостаса», дом новый окончил постройкой и переехал в него на новоселье, заняв «под себя» большое помещение и заново омеблировав его. – Довольно лаптем то щи хлебать, можно и порасшириться... Слава богу, на наш век теперь хватит! – сказал он жене и порешил все эти три радости праздновать парадным обедом, подогнав его к 17 сентября, к именинам жены. Прежде всего, решено было угостить «нужных» людей. Гости приглашались с разбором и «кто почище», но так как приглашением нельзя было обойти близких родственников и из серого купечества, то их приглашали с тонким внушением.

Содержание

Парадный обед	6
У судебного следователя	13
Приемный час редактора	15
У доктора	17
На Фонтанке	19
Перед праздниками	21
Канун Пасхи	23
Первый день Пасхи	25
С визитами	27
Радоница	29
На перевозе	31
В сквере	33
На пожаре	35
Ледоход	37
На именинах	39
В день Преполовления в крепости	41
Танцевальный вечер в немецком клубе	43
Вред и польза конно-железки	45
В Екатерингофе	47
У гор	49
В биржевом сквере	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Николай Лейкин
Шуты гороховые. Картинки с натуры

ЛитРес
библиотека

© «Литрес», 2026

Парадный обед

У купца Амоса Потапыча Семишкурова подтасовались сразу три радости: Станислава на шею получил «за благочестие и позлащение иконостаса», дом новый окончил постройкой и переехал в него на новоселье, заняв «под себя» большое помещение и заново омеблировав его.

– Довольно лаптем-то щи хлебать, можно и порасшириться... Слава богу, на наш век теперь хватит! – сказал он жене и порешил все эти три радости праздновать парадным обедом, подогнав его к 17 сентября, к именинам жены.

Прежде всего, решено было угостить «нужных» людей. Гости приглашались с разбором и «кто почище», но так как приглашением нельзя было обойти близких родственников и из серого купечества, то их приглашали с тонким внушением.

– Милости просим, – говорил им Семишкуров. – Только смотрите: обед парадный будет. Наш приютский генерал обещался быть и, окромя того, некоторые финансовые лица; из банков. Хочу по-модному устроить и чтобы с речами. Голого пьянства не будет, а все как по-благородному... потому неловко, осудить могут.

– Да мы нешто только из-за одного пьянства?.. – пробовали обижаться родственники.

– Нет, я так, к слову... Иной сейчас нажрется винища и в ссору полезет. Разные тоже бывают. А зачем это?

Выпил по малости, да сиди и слушай, что умные люди говорят.

– Ну вот, учи еще! Что ж, у тебя калегварды будут играть?

– Зачем? Коли речи, так калегвардов не надо. Нынче эта музыкальная горлопятина за обедами уж не в моде, особенно ежели кто в своем собственном доме, а не в ресторане... Так милости просим, господа!

– Придем.

Обед стряпал «француз», сервировка была отличная, меню на атласной ленте, с вензелевым изображением имени хозяина дома и под короной. Французу вменено было в обязанность, чтобы в числе кушаний была непременно подана коза с позолочеными рогами и чтобы на стерляди стояли раки на шпагах, и чтобы «корякой».

– Как в графских домах... – прибавил хозяин.

Гостей звали на обед ровно в пять часов, а гости-купцы, по купеческой замашке, начали собираться только в шестом часу. Приютский генерал приехал первым, а вторым пришел приходский протопоп в светло-синей шелковой рясе. Хозяина несказанно опечалило, что генерал был без ленты, а только со звездой на фраке. Хозяин долго тряс ему руку и не утерпел-таки, чтобы не сказать:

– А я полагал, ваше превосходительство, что вы меня во всем параде осчастливите.

Генерал понял, в чем дело, и улыбнулся.

– В лентах, мой милый, Амос Потапыч, только на парадные обеды принято ездить, – любезно отвечал он и потрепал хозяина по плечу.

– Помилуйте, да ведь у меня сегодня парадный обед и есть. Ведь я двадцать лет верой и правдой грош к грошу приколачивал, чтобы дом-то выстроить. Наконец, через ваши же руки такое благоволение... – прибавил хозяин и поправил орден на шее. – Я даже полагал сегодня наш приютский мундир надеть, да так уж... Надеюсь, ваше превосходительство, что вы уж хоть осчастливите меня за обедом несколькими теплыми словами от души?

– Обеденных речей я вообще не говорю, но для моего почтенного и многоуважаемого...

– Премного вами благодарен, ваше превосходительство! – снова потряс хозяин руку генерала.

Протопоп расчесывал гребнем волосы, косился на приготовленную закуску и говорил:

– Поздненько у вас, драгоценный Амос Потапыч, к обеду гости-то съезжаются. Словно якобы вы на акриды и дикий мед звали, но, судя по трапезе, нужно предполагать противное сему.

– Да ведь что же вы поделаете с нашим купеческим невежеством! Мало еще нас в газетах хлещут! Звал к пяти, а они по своему серому понятию такие мысли содержат, что, мол, чем позднее, тем лучше: придешь, мол, рано, так словно даровой еде обрадовался, – пояснил хозяин.

Влетел пристав из участка, в мундире и густых эполетах.

– С монаршею милостью, с новосельем и с именинницей! – заговорил он, потрясая руку хозяина. – Гнал, гнал кучера, думал, что уж опоздал, ан оказывается...

Пристав обвел глазами комнату.

Вошел известный всему Петербургу маленький финансовый еврей, с подстриженной бородкой на обезьяньем лице и с оскаленными зубами. Хозяин опрометью бросился к нему и стал потрясать его руку.

– Некрещеный? – тихо спросил один купец другого.

– Некрещеный.

– А ловко ли православным христианам с ним за одною трапезой?... Уже и Амос Потапыч тоже!.. Человек благочестивый, и вдруг... Смотри, с отцом протопопом кланяется!

Хозяин то и дело посматривал на часы. Было почти шесть. Гости собирались, но вяло.

– Господи! Что ж это какой беспорядок! Зовешь к пяти, и вдруг такое продление? – всплескивал он отчаянно руками. – Господа, пожалуйста закусить пока... А тем временем, может быть, и соберутся, – прибавил он. – Батюшка, благословите трапезу и начните вместе с его превосходительством. Исаак Соломонович, прошу покорно! – обратился он к финансовому еврею.

Отец протопоп благословил и, придерживая левою рукою рукав рясы, правую взялся за графин с водкой. Купцы стали подходить к закуске. Были и фрачники, были и сюртучники. Все внимание сюртучников было обращено на финансового еврея.

– Смотри, смотри, – шептали они, – водку благословенную пьет, а колбасы не трогает. Вон сардинку взял... икру ест.

– По ихней жидовской вере колбасу ежели или ветчину – беда! Сейчас нужно к своему попу в синагогу бежать, чтобы рот святить. У них строже нашего. Поп поставит в угол и заставит целый день бормотать без удержу жидовские молитвы.

Водка оживила гостей. Начался громкий говор. Хозяин подбежал к купцам фрачникам.

– Господа! – сказал он. – Генерал за обедом будет речь говорить, так уж жарьте и вы после него. «В настоящее, мол, время, когда мы все собрались вкупе...» Ну, и так далее... Петр Федорович, ведь в думе же иногда произносите! Наконец, я и в обществе взаимного кредита слышал, как ты резал. Чего отставать от людей? Современности надо подражать.

От купцов-фрачников хозяин перебежал к сюртукам, взял под руку какую-то клинистую бороду и отвел в сторону.

– Сидор Пантелеич, генерал будет уже речь говорить, так уж, пожалуйста, не перебивай его. Я тебя знаю. Ты, как выпьешь лишнее, сейчас и закричишь не вовремя «ура!». Лучше в порядке...

Гость обиделся.

– Коли хочешь, так я и за стол не сяду. Важное кушанье – твой генерал! Видали мы!

– Не кричи! Я тебя честью прошу. А насчет стола зачем же? Ежели бы я не хотел, то и не звал бы тебя. Ну, полно кочевряться! Я ведь по-приятельски...

Четверть седьмого сели за стол. Хозяин старался сажать гостей «по ранжиру». Протопопа посадил по правую руку от себя, финансового еврея – по левую. Генерала поместил напротив. Рядом с генералом села хозяйка.

– Так вы, ваше превосходительство, во всякую минуту и будете мелькать перед моими глазами, а я буду наслаждаться приятным лицезрением вашей персоны, – сказал хозяин.

Сюртукам и гостям «попроще» отвели места на концах стола. Те все еще продолжали интересоваться «жидом».

– Эх, нехорошо со стороны Амоса Потапыча. На старости лет и вдруг этикие штуки! – говорил кто-то. – Человек он богобоязненный, еще недавно иконостас позолотил, владыке лично известен, и вдруг протопопа вместе с жидом сажать! Нешто это можно?

– Видно, можно. Ведь протопоп-то сам знает и к стулу не привязан, – пробовали возражать.

– А может быть, он введен в заблуждение и полагает, что это крещеный жид.

Сначала за столом было все чинно. Слышались удары ложек о тарелки. Протопоп раза два принимался рассказывать хозяину, что такое «акрида» и сподвижническая верига, привел пример из Иова многострадального, но хозяин его не слушал и все обращался к генералу:

– Ваше превосходительство – мадерки! Я перед вами нарочно особенную бутылку поставил. Благоволите пригубить. Это мадера дорогая.

– Выпью, выпью, – отвечал генерал и разговаривал с хозяйкой. – Мать – великая вещь! – говорил он. – Главная задача матери заключается в воспитании молодого поколения, в передаче нравственных идей, так сказать, в гуманном...

– Только и трудно же, ваше превосходительство, с детьми, – перебивала его хозяйка. – Шалят уж очень. Верите ли, иногда все руки обхлещешь об их головы...

Финансовый еврей, наклонясь к хозяину, шептал:

– Цветник женского пола хотя и невелик у вас за обедом, но блистает прекрасными женщинами. Я всегда люблю иметь большое любование на женщин русских купцов. Здоровье и самый лучший свежесть... так, что даже благоухание... О, русские купцы имеют свой вкус!

– Кормим мы их хорошо, Исаак Соломонович, забот у них нет, вот они и толстеют у нас, – отвечал хозяин. – А тут у нашего брата, как иногда платежи подспеют, а в руках чужих векселей куча, да не знаешь, куда их деть, так до жиру ли? Банковский кредит насчет дисконта, сами знаете, везде нынче сокращен. Я вот вас хотел попросить... Ну, да после!

– После, после... – согласился финансовый еврей и любезно оскалил зубы на какую-то рыхлую и красивую купеческую даму.

– За здоровье именинницы! – возгласил басом горластый официант над самым ухом генерала, так что тот даже вздрогнул.

Все подняли бокалы и обратились к хозяйке. На концах стола задвигали стульями и шли поздравлять ее. Там же забили ножами в тарелки, и кто-то крикнул «ура!», но оно не было поддержано. Хозяин как-то жалобно взглянул на шумящих гостей и замахал им руками, дескать: «Тише, господа!»

– Ваше превосходительство! Почтите радостными словесами-то! – умильно обратился он к генералу.

– После, после... – успокоивал его тот. – Еще будет время. Но я бы попросил вас, многоуважаемый Амос Потапыч, приказать официанту не провозглашать тостов. Мы сами их провозгласим. А то этот оперный бассо про-фондо над самым моим ухом...

Официанту было запрещено кричать. Понесли рыбу. На концах стола делалось все шумнее и шумнее. Хозяин то и дело посматривал туда, опасаясь скандала. Он не пил, не ел от волнения.

– Ваше высокопреподобие! – кричал какой-то купец через весь стол священнику. – В котором году у нас была первая холера?

Но тут генерал встал с места и поднял бокал.

– Господа! Я предлагаю выпить за здоровье нашего досточтимого Амоса Потапыча! – произнес он.

Тут уж гости не выдержали, застучали стульями, забили в тарелки, закричали «ура!».

Все лезли чокаться с хозяином, но тот не внимал и умильно смотрел на генерала.

Взор его изображал просьбу. Генерал понял, потер лоб и начал откашливаться. «Тс!» – послышалось со всех сторон. Генерал начал:

– «Concordia res parvae crescunt» – вытиснена надпись на голландском червонце, и мы всегда должны ее помнить...

– Это верно! – откликнулся с конца стола совсем уже захмелевший купец с бородой клином, тот самый, которого хозяин предупреждал не прерывать речи.

Ему зашикали. Генерал нахмурился и повторил:

– «Concordia res parvae crescunt...»

– А по-каковски это? – не унимался купец.

– Имейте же, наконец, уважение к прениям! – крикнул совсем уже вышедший из себя хозяин.

Генерал и сам бросил молниеносный взгляд на конец стола, но продолжал:

– Эту надпись должны мы помнить все до единого. Перед нами простой русский семейный человек, вышедший из народа. Я говорю о достопочтенном Амесе Потапыче, нашем любезном хозяине. Он, в поте лица съедая свой хлеб, выстроил свой дом из крох, падающих со стола его трудовой трапезы... – По лицу хозяина текли слезы. Он протянул через стол свою

руку и крепко пожал генеральскую руку. – Вы видите роскошные палаты, полную чашу домовитости, зеркал и бронзу, хрусталь и фарфор, серебро и золото... – вдохновлялся генерал.

– Божие милосердие... – подсказал протопоп, умильно качая в такт головой, но хозяин дернул его за рукав рясы.

– Да... Божие милосердие, украшенное драгоценными камнями. Одним словом, мы созерцаем рог изобилия, сыплющий свои дары в руки достойного. Я потому говорю «достойного», что он не лежит на своих богатствах, как Кощей, а уделяет их от щедрот своих и сирым, и неимущим. Ежегодно вносит он в наш приют известную сумму...

– Небось не вносил бы, кабы приютского мундира не позволили носить! – опять послышался чей-то довольно громкий возглас, но на него не обратили внимания.

– Но, не довольствуясь ежегодным взносом, он еще недавно позолотил иконостас на свой счет, – говорил генерал. – Да... позолотил. Вначале я упомянул о доме. Но не в роскоши сила, сила в семейном согласии. В нем и счастье. Амос Потапыч пользуется этим счастьем, сплотившись в своей многочисленной семье, среди чад и домочадцев. Поэтому-то я и начал свое краткое приветствие латинской цитатой «Concordia res parvae crescunt». Пожелаемте же ему того счастливого согласия и в новоотстроенном доме, каковым он пользовался на своем старом пепелище, а щедрая Фортуна посыплет на него богатство своим чередом. Но важнее согласия здоровье, а потому выпьемте за здоровье Амоса Потапыча!

Раздалось «ура!». Хозяин рыдал от умиления, полез через стол обнять генерала и уронил бутылки. Вино пролилось на скатерть. Гости вскочили из-за стола и лезли к хозяину целоваться. Потрясали и руки генерала.

– Качать его! Качать! – кричали гости, но недоумевали, кого качать – хозяина или генерала, а потому схватили на руки обоих и начали подбрасывать.

– Довольно, господа! Довольно! – кричал генерал.

Кой-как все уселись. Официанты понесли жареную козу.

Встал хозяин и обратился к генералу:

– Ваше превосходительство, Аристарх Никодимыч! В голове моей много чувств, но грудь моя не находит слов, дабы высказать вам благодарность, так как вы осчастливили меня, простого человека, своим присутствием и осчастливили радостными словами веры, надежды и любви в сей день, 17 сентября. Я уповаю и впредь поддерживать сирот под вашей администрацией, но пуще всего буду стараться очищать наше серое купечество от азиатского невежества и, как простой русский славянин из Ярославской губернии, буду им подавать пример пути к Европе. А с вашей стороны молю о поддержке и поощрении, так как мы учены на медные деньги и все, что по своему образованию чувствуем, до цивилизации своим умом дошли. Дорогие гости! Выпьемте за здоровье драгоценного Аристарха Никодимыча!

Опять движение стульев, опять «ура!». Гости шли чокаться с генералом.

– Ай да господин Семишкуров! Какую вы хорошую речь держали! Bravo! Bravo! – тихо аплодировал хозяину финансовый еврей.

Хозяин самодовольно улыбнулся.

– А теперь вы, Исаак Соломонович, скажите, – упрасивал он еврея.

– Нет, нет, я никогда не говорю. Я только слушаю, – качал тот головой и скалил зубы.

– Нельзя этому быть-с. Мы вас заставим. В чужой монастырь со своим уставом не ходят, а у нас сегодня обед европейский и с речами.

Но в это время поднялся с места протопоп, и хозяин замахал руками и зашикал, давая знать, чтобы шум умолк.

– Достопочтенные сотрапезники! – начал протопоп. – Я не предлагаю тоста за здоровье хозяина, ибо он искренно уже был предложен его превосходительством, но хочу в свою очередь изречь краткое приветствие именитому коммерсанту. Благочестивый купец Амос Потапыч, ревнитель храмов Божиих, подпора вдов и сирот, столп верующего семейства! Следуя

по пути цивилизации, который ты предназначтал себе, молю об одном: не поддайся ты веянию вредного нигилизма, да не коснется эта тлетворная гидра твоего сердца и да останешься ты тем же ревнителем и столпом, которым был доселе, радея храму Божию и принося посильную лепту свою на пропитание вдов и образование сирот в духе христианства!

Протопоп кончил. «Ура!» раздалось на концах стола. Там думали, что опять пьют за чье-нибудь здоровье. И оно, пожалуй, было уже кстати, так как хозяин, отблагодарив протопопа троекратным целованием, кричал:

– Господа! Выпьемте теперь за здоровье высокочтимого отца Иоанна!

«Ура!» стояло в воздухе. Гости снова повскакали с мест. «Качать! Качать!» – слышались возгласы, трое подскочили уже к протопопу, но хозяин остановил их и загородил собой священника.

– Братцы, духовную особу нельзя качать! – строго сказал он. – Он пастырь и рукоположен...

Гости оставили его, но на места не садились. К супругам подошел покрасневший от вина седоватый купец и, растопырив руки, забормотал:

– Мы хоть и по части мусорного очищения подрядным делом занимаемся, а речь сказать все-таки можем и даже сразу обоим в жилу попадем. Плодитесь и размножайтесь!

Купец поклонился и, оборотясь к генералу, спросил:

– Правильно я, ваше превосходительство?..

– Верно, верно, старина! – одобрительно потрепал его тот по плечу.

Польщенный купец схватил его руку и, потрясая, произнес:

– И вас также высоко ценим! Вы вот нами не гнушаетесь по своему чину, а мы это чувствуем.

Обед приближался к концу. Было шумно. Тосты предлагались за кого попало и кем попало. На иные из них не обращали уже внимания. Вдруг хозяин вспомнил, что не пили за здоровье финансового еврея, а он «человек нужный». Его даже ударило в жар от такой опрометчивости, но он нашелся, как поправить дело.

– Господа, я прошу слова! – крикнул он.

– *Silentium omnibus!* – шутливо протянул хозяину в тон отец протопоп.

– Господа, я предлагаю выпить за здоровье трудолюбивого и почтенного Исаака Соломоновича! – продолжал хозяин. – Но да не обидится он, что мы пьем его здоровье в конце парадного обеда. Остатки всегда сладки. Выпьемте!

Тост был принят холодно, но некоторые все-таки повскакали из-за стола и лезли чокаться с евреем. Тот расцеловался с хозяином «по-русски», как он говорил, то есть троекратно и со щеки на щеку, а гостям, как вербный алебастровый заяц, учащенно кивал головой, шурился и любезно скалил зубы.

– Смотри, с жидом целуется! Ах, старый пес! – довольно громко заметил про хозяина один купец другому.

Хозяин стал просить финансового еврея сказать какую-нибудь речь. Тот и решился было, ибо хотел сгладить ею свое неловкое положение, встал с места и только начал:

– Я прошу извинения, что, так как я не славянин, то и не могу иметь и хорошего разговора по-русски...

Как вдруг кто-то перебил его и во все горло заорал:

– За здоровье пристава, так как они наши защитники!

Большинство забило ножами в тарелки. Пристав раскланивался, а финансовый еврей сел и уже наотрез отказался продолжать речь.

– Я не умею, я не умею... Да и не время теперь... – бормотал он, сконфуженный.

Хозяин был взбешен и даже побледнел от злости.

– Вот, ваше превосходительство, какое еще у нас в купечестве безобразие среди всей цивилизации! – отнесся он к генералу.

Тот только пожал плечами, закатил глаза под лоб и наклонился к хозяйке с каким-то вопросом.

– Исаак Соломоныч! Бога ради, простите вы им их серое невежество! – твердил хозяин и тряс руку финансового еврея. – Ну, что на них обижаться? Ведь пьяные...

– Я ничего... Я ничего... – отвечал еврей и поправлял свои очки.

– Господа, я прошу слова! – раздался возглас, и с места поднялся солидный купец во фраке и с подстриженной бородой.

Это был гласный из думы, но в думе никогда не говоривший. Здесь он вздумал себя попробовать. Вино развязало ему язык.

– Как славянин с матушки широкой Волги, поительницы и кормилицы нашей, я хочу вспомнить о другом славянском единстве, находившемся долгое время под игом турецкого зверства, и обратить ваш взор на храбрых герцеговинцев и черногорцев. В то время, когда мы здесь бражничаем за роскошными яствами пресыщения плоти, там, на синем Дунае, катящем свои волны под шум деревьев, может быть, сидят голодные и холодные младенцы и обильные слезы текут по их челу со скорбью на устах...

Фрачного купца сначала слушали со вниманием, но после этих слов какой-то сюртучник замотал головой и крякнул:

– Это насчет пожертвования? Знаем! Сами семерых собирать послали.

– Простремте руку помощи! – ораторствовал фрачный купец. – Рука дающего не оскудевает и в щедрую десницу воздастся вам сторицею!

В это время за обедом кончали уже мороженое. Гости, увидав, что оратор полез в бумажник и, вынув три рубля, положил их на тарелку, задвигали стульями и стали выходить из-за стола.

Хозяин и сам был доволен, что обед уже кончился.

– Уж извините, чем богаты, тем и рады! – раскланивался он на все стороны и, подойдя к генералу, сказал: – Не обессудьте, ваше превосходительство! Думал завести обеденную механику по-европейски, а некоторые места вышли по-скотски, так что большой конфуз от моих гостей имею.

Он отчаянно развел руками.

– Ничего, ничего. Все было хорошо, все было прилично! А ведь в семье не без урода! – отвечал, улыбаясь, генерал и, заключив Амоса Потапыча Семишкурова в свои объятия, расцеловал его.

Фрачный купец стоял у стола с тарелкой в руках, но гости всячески старались обходить его.

У судебного следователя

Окружной суд. Общая приемная судебных следователей. 11 часов утра. Пусто. Вызванные свидетели только еще собираются. На одной из скамей сидит мужик, громко вздыхает и вертит в руках повестку, на другой лежит сторож, завернувшись в солдатскую шинель, и по временам кряхтит, на третьей, как раз против сторожа, помещается старичок в плохеньком теплом пальто с кошачьим воротником. Старичок в серебряных очках то и дело нюхает табак. Судебный следователь еще не приходил. С лестницы в открытую дверь слышны чьи-то гулкие шаги.

– Должно быть, сам идет, – говорит сторож и подымается со скамьи.

Мужик и старичок откашливаются, но вместо следователя входит баба в синем суконном кафтане и цветном платке. За пазухой у нее грудной ребенок. Она подает сторожу повестку. Тот вертит повестку в разные стороны, смотрит в нее и говорит:

– Не приезжал еще. Дождитесь своего термину.

Опять молчание. Сторож жметя, кутается в шинель и пристально смотрит на старичка.

– Да вы не доктор будете? – спрашивает он его ни с того ни с сего.

– Нет, мы табачники. Табачную на Петербургской держим... – отвечает старичок.

– Так! А я по очкам-то думал – доктор. Знобит вот все, ну, и живот вертит... Как подхватит это в поясах – беда!

Опять шаги. Входит купец в лисьей шубе и ищет по углам образа, чтобы перекреститься, но, не найдя их, останавливается перед сторожем.

– Бога-то и нет у вас. Чудесно! А мы к судебному следователю, – говорит он и сует сторожу повестку. – Не разберешь ли, земляк, по какому делу?

– Мы неграмотные.

– Неграмотные. Чудесно! Да тут и не обозначено. А я думал, не известны ли вы так, понаслышке. Изволите ли вы видеть, мы басонщики...

– Не являлся еще следователь-то, – ввязывается в разговор старичок.

– Не являлся? Чудесно! Значит, обождем... Три дня в сумнении ходим. Верите ли, даже по ночам пугаюсь, потому в неизвестности. Теперича, изволите видеть, на Масленице маленько чертили грешным делом, так мало ли что во хмелю может случиться... Звезданешь кого ни на есть в ухо, а ему увечье. Где же все упомнить...

– Нет, вас в качестве свидетеля вызывают, – утешает его старичок, заглядывая ему в повестку, – значит, не вы обвиняетесь, а не видали ли что, не слышали ли.

– Да ведь мало ли что в пьяном образе видишь! Увидал драку, ну, и ввязался. Бац в нюхало или едало – ну, и виновен. Мало ли каких прокламаций бывает!

– Нет, уж насчет себя вы успокойтесь. Это насчет других опрос будет.

– Насчет других? Ну, значит, чудесно! Теперь как гора с плеч! А жена пошла даже молебен служить... Вчера на целковый свечей одних поставил... Смучился даже... На еду не тянет... Хочешь щец хлебнуть, ан и ложка в рот нейдет, потому мало ли что... Мы люди мастеровые, так как в басонстве состоим, драки у нас этой самой пропасть! Иной раз как саданешь!..

В приемную входит чиновник с орденом на шее. Лисья шуба умолкает.

– Куда пройти к судебному следователю 00 участка? – грозно спрашивает он сторожа.

– Не являлся еще, ваше высокоблагородие... Потрудитесь обождать...

– Обождать! На одиннадцать часов вызывает, а еще и самого нет! Нечего сказать, порядки!

Чиновник садится. У бабы начинает плакать ребенок. Она вскакивает и начинает бегать с ним по приемной, стараясь его унять. Ребенок не унимается. Гулко и звонко раздается его рев. Баба силится перекричать его. Она поет и жужжит над его ухом. Чиновник морщится.

– И зачем это только сюда с ребятами пускают! – восклицает он. – Здесь присутственное место...

– Это вы, ваше благородие, действительно... Детскому сословию здесь не место, потому самая крикливая нация, – откликается купец.

Но баба уже воеет над ребенком, а тот так и заливается...

– Эй, тетка, ребенка-то бы следовало дома оставить, – продолжает он.

– Да не на кого, голубчик, не на кого. Неужто бы я на себя такую муку взяла? – отвечает баба. – Мы, прачки, изволите ли видеть... Все наши бабы на реку белье полоскать ушли...

– Белье полоскать ушли! Дура! Неси сюда ребенка-то. Вот их высокоблагородие пугнет его хорошенько, так авось он тогда уймется. Пугните его, ваше высокоблагородие, вашим страшным обликом. Это иногда помогает... Рывкните на него хорошенько!

– Послушайте, да вы в уме? – произносит чиновник и хочет встать, но баба уже подошла.

– Смотри-ка, дядя-то какой страшный! Бука! Смотри-ка, нос-от какой у него! У! – говорит она ребенку. – А глазищи-то какие зеленые! Глазищи-то! Потереби его за нос, потереби. Скажи: «Дядя бяка!»

Чиновник выходит из себя.

– Послушайте! Это, наконец, невежество! – кричит он.

– Господин судебный следователь! – возглашает сторож.

Приемный час редактора

Хорошо меблированная комната. Письменный стол посередине. По стенам полки с книгами. На полу валяются изрезанные газеты. У окна другой стол. За одним из столов сидит секретарь редакции и что-то пишет. Сам редактор, заткнув перо за ухо, ходит по комнате и чешет затылок. На лице дума.

– Ах, Михаил Иванович, – обращается он к секретарю, – я вот все хотел вас попросить, не составите ли вы корреспонденцию из Рагузы? Герцеговинцы теперь – такой модный животрепещущий вопрос, а у нас об них только одни перепечатки. Ну, возьмите там что-нибудь из газет... Любобратич, Восьмибратич... Выберите по карте какое-нибудь местечко... Упомяните о стычке, обозначьте побольше число раненых и убитых турок... Ну, о невежестве коснитесь... Знаете, по общему шаблону... по трафарету... Поняли?

– Ну, еще бы... – отвечает секретарь.

– Да напишите в скобках: «от нашего собственного корреспондента». Хорошо бы упомянуть о какой-нибудь девушке, похищенной в гарем. Придумайте ей имя попоэтичнее. Насчет раненых пройдитесь... обругайте австрийских докторов... Пожалуйста!

– С удовольствием...

Секретарь садится. Входит юный армейский офицер. В руках у него сверток, обвязанный розовой лентой.

– Мне бы господина редактора видеть... – робко говорит он.

– Я редактор. Что вам угодно?

– Пользуясь отпуском и находясь временно в Петербурге, я вам принес стихи, которые бы желал напечатать... Это, так сказать, досуг моего деревенского уединения... Мы в деревне стоим, так, от скуки... Я и прежде вам присылал несколько раз, но почему-то не удостоился... Теперь я привез целую тетрадку. Тут комические есть, трагические, но больше любовные...

Офицер развязывает ленту и передает редактору тетрадку, исписанную самым лучшим писарским почерком. Редактор начинает перелистывать. Попадаются заглавия: «К ней», «К ее бантику на лебяжьей груди», «К ее алькову», «Маше», «У ее изголовья», «В кустах». В глаза бросаются стихи:

Скажу в глаза и за глаза:

Чиста, чиста твоя слеза,

Ползет на девственных ланитах,

Как бы отшельник непорочный в скитах...

– Извините, мы этих стихов не можем напечатать, – говорит редактор и отдает рукопись.

– Отчего же? Вы прочтите, тут есть разные...

– Неудобно.

– Отчего же, помилуйте! Стихи, кажется, самые удобные. Тут есть и большие, и маленькие... Есть даже двустихи, посвященное нашему адъютанту:

Твержу я целый век:

Ты благородный человек.

– Эти стихи не подходят к программе нашего издания.

– Отчего же не подходят? Вы попробуйте напечатать, так, может быть, и подойдут.

– Извините, они неудобны для нас...

– Странно... Разве вы не можете объяснить, почему неудобно?

– Редакция не дает объяснений.

– Еще более странно!

Офицер берет рукопись и уходит. Входит купец с клинистой бородкой.

– Что вам угодно?

– Мы насчет тещи. Тещу бы нам отчехвостить хорошенечко, – отвечает он визгливым голосом.

– То есть как это? – спрашивает редактор, еле удерживая смех.

– В статейке продернуть... Такая бестия навязалась, доложу вам... Извольте видеть, мы шорники будем и в прошлом году на ейной дочери женились... И взяли их как есть за одну их красоту, ну, и тещу эту самую... потому они при своем вдовстве железом торговали. Капиталов никаких... Божие милосердие было, небель... Теперича мы их сгоняем с квартиры, потому каторга от них, а не жизнь, а оне небель назад требуют. «Я, – говорит, – шесть пудов одной медной посуды с собой принесла, окромя трех самоваров». Насчет перин и подушек Господь с ней... а медная посуда – сами знаете... Тут у меня в жалобе все как следует объяснено... Пожалуйте! Нельзя ли, ваше высокородие, так ее отчехвостить, чтоб до новых веников не забыла!

Редактор в недоумении.

– Помилуйте, какая жалоба! Здесь не квартал...

– Ах, господи! Что будет стоить, мы за ценой не постоим... Только бы ее попугать хорошенько...

– Обратитесь к мировому судье...

– Мы это знаем-с... А все-таки хотелось бы нам пробрать ее в газету на обе корки. Теперича мне даже в пищу всякую дрянь подмешивает.

– Извините, это не наше дело...

– Ежели у вас лошадки, мы бы вам хомут или седло с нашим удовольствием... Ремни, гужи какие...

– Ничего не могу сделать...

– Так нельзя отбарабанить?

– Нельзя-с...

– А жаль! Прощенья просим!

У доктора

Роскошно убранный кабинет. Доктор принимает пациентов.

– Номер первый, пожалуйста! – восклицает лакей.

В кабинет входит молодая дама и кланяется. Доктор вопросительно смотрит на нее. Она потупляет глазки и молчит.

– Прошу покорно садиться, сударыня, и объясните мне, пожалуйста, чем вы страдаете?..

– Я к вам не за тем, – робко отвечает дама. – Я ничем не страдаю.

– Но позвольте вас спросить, что же у вас болит?

– Ах, ей-богу, я не знаю... Мне стыдно сказать...

– Сударыня, как перед врачом в кабинете, так и перед священником на духу нет секретов.

– Нет, нет, никак не могу!..

– Покажите ваш прелестнейший язычок...

– Ах, оставьте, я совсем здорова... Я не за тем... Вот видите ли, у меня муж купец и каждый день пьян... Ах, не могу, не могу!

– Успокойтесь, сударыня, и расскажите все по порядку...

– Муж каждый день пьян, а у нас есть приказчик, но никакого внимания на меня не обращает, так нельзя ли какого-нибудь корешка или снадобья?..

– Понимаю, понимаю... Вы влюблены, и влюблены несчастливо... Значит, вам нужно приворотного...

– Да-с, – чуть слышно отвечает дама и выбрасывает из кулака на письменный стол четвертную бумажку.

Доктор косится на бумажку, хмурит лоб и говорит:

– Что ж, это можно... Конечно, это средство неверное, но все-таки попробуйте. Чем ваш муж торгует?

– Да у них скипидар, вохра и все эдакое... Шубный клей есть.

– Прелестно. А приказчик брюнет или блондин?

– Брюнет и даже с сизым отливом, как вороново крыло, а на шее родимое пятно и около глаза царапина.

– Царапина? Еще того лучше. Прописывать лекарство я вам не стану, а вот дам леденец, возьмите и кладите ему каждый день в чай по кусочку, да чай подавайте сами, а через неделю зайдите сюда.

Доктор вынимает из стола витушку ячменного леденца, завертывает в бумажку и подает ей.

– А мне все есть можно? – спрашивает дама.

– Все, все до капельки!

Входит купец в сибирке.

– Что у вас? Чем больны?

– А вот, извольте ли видеть, в поясах щемит и как бы что под сердце отдает, ну и голову крутит, словно как бы кто тебя поленом съездил! Явите божескую милость, полечите хорошенько, за благодарностью не постоим, – кланяется купец.

Доктор глубокомысленно закусывает нижнюю губу.

– Покажите язык... Больше, больше! Чего вы боитесь? Я не откушу! Объялись, верно?

– Это точно-с. Действительно, третьего дня на похоронах у одного подрядчика блинов двадцать съел, потом это хмельная антимиония началась, пуншевую сырость разводили... и все этакое... не оставьте нас, грешных! Верите ли, разогнуться не могу! И в баню ходил, и перцовкой терся...

– Снимите сибирку и лягьте на диван.

Купец жалобно смотрит на доктора и ложится. Доктор начинает мять ему спину, спрашивая:

– Не больно? Не больно?

Купец кричит и стонет. Доктор напирает еще сильнее. Купец вскакивает.

– Ага! Проняло? Отлично. Я пропишу вам лекарство, но прежде всего вам нужно сидеть на диете.

– А где эту деету купить-то можно? В мебельной лавке, что ли?

– Да что же, по-вашему, диета-то – мебель, что ли! От пищи воздерживаться надо! Один суп с булкой есть. Чай пить жиденький с белым хлебом... Лягьте еще, я вас смеряю...

Доктор лезет в шкаф с инструментами и для пущей важности начинает перебирать хирургические инструменты. Вот достал акушерские щипцы. Мелькнула сталь на солнце. Купец пугается.

– Батюшка, ваше высокоблагородие, увольте от этого! Не дамся! Нельзя ли так! Вдвое заплачу! – вопит он.

– Ну, бог с вами! Только для вас освобождаю... Да главное – насчет еды остерегайтесь. Пирогов не ешьте.

Доктор пишет рецепт. Купец лезет в карман и достает синенькую.

– Так и щец, и пирожка с капусткой нельзя?

– Нельзя.

– И с морковью невозможно?

– Невозможно.

– А с рысью и с яйцами?

– Нельзя.

– А с творогом или вареньем?

– Да нельзя же, говорю вам!

– А насчет хмельного былья? – робко спрашивает он.

– Пейте, только умеренно!

– Вот насчет этого спасибо!

Купец лезет снова в карман, прибавляет к синенькой еще целковый, раскланивается и уходит.

На Фонтанке

Сквозь тонкий лед ледокольной майны на Фонтанке провалилась пробегавшая собака. Она жалобно визжала и билась, стараясь выкарабкаться из воды, но тонкий лед обламывался под ней, и она снова падала в воду. Визг ее был пронзителен и раздирал душу. На набережной стал останавливаться проходивший народ. Толпа быстро увеличивалась. Слышались соболезнования, но спасти собаку никто не решался.

– Утонет, – говорит полушубок. – Как пить даст – утонет.

– Нет, выкарабкается, – отвечает другой, – как до твердого льда дойдет, так и выкарабкается. Вишь, как визжит-то жалобно, будто человек! А спасти можно. Стоит только доску накинуть.

– Идет на пару пива, что утонет?

– Ах ты, душевная! Умирать-то тоже не хочется, – вставляет слово баба.

Стоящий рядом купец хмурится:

– Душевная! Нешто про пса можно так говорить!

– А все-таки блажен раб, еже и скоты милует. Ах, как визжит-то, сердечная! Братцы, да что ж вы так-то стоите. Можно багор подать, петлю накинуть...

– У меня полушубок новый... Мальчик, зайди вон на плот-то, да помани ее будто булочкой...

– А хорошая собака... Это, надо статья, польской породы. На охотника так рубль целковый даст.

– Ври больше! Нынче польские-то собаки ничего не составляют. Вот ежели бы лягаш был!.. Да и вовсе это не польская, а водолаз, потому у водолаза этого самого в лапах перепонка...

– Водолаз! – передразнивает солдат. – Ты видел ли водолазов-то? У нас у поручика водолаз был, так тот у дверей на лестнице в колокольчик звонился. Схватит зу-бьем за колокольчик да и позвонится. Капут! Поминай как звали! Нет, вынырнула!.. А теперича ежели ее спасти, лучший друг будет.

– Это точно... – замечает чуйка. – Теперича у нас в Ямской у извозчиков собака... на каретном дворе... Гусяк один держит, так у него теща... ну и козел от домового взят... Так эта собака все с козлом... На Масленице стала это она печь блины... а сам он пошел в трактир...

– Эх, как воеет! Даже слушать жалостно! Видно, со щенятами!

– Нет, мужской нации... Со щенятами давно бы ко дну пошла. Только эта самая теща... Нет, что я?.. собака...

С дрожек соскакивает проезжавший бородач в золотых очках, расталкивает народ и подходит к перилам.

– Что тут такое? – спрашивает он.

– Собака тонет, ваше высокоблагородие...

– Так что же вы стоите и не спасаете! Эх вы! А еще православные! Как вам не стыдно за свое бессердечие!.. Да знаете ли вы, что даже само общество покровительства животным за это награды назначает. Ведь у собаки так же, как и у человека, жизнь, ведь она так же мучается... Вон доски на спуске валяются, тащите их за мной. Господа, я честью вас прошу...

– Нет, сунься-ко сам, коли тебе жизнь дешева, – раздается со всех сторон. – Да у нас тоже дело есть... Нам прохладиться из-за собаки невозможно...

– Почтенные, помогите барину!.. Отчего собаку не спасти, коли возможно... – упрашивает какая-то женщина.

– А ты стегани сама прежде... Тонуть будешь, так по крайности карналин поддержит, а мы в полушубках по-топорному...

На льду раздается пронзительный вой. Бородач в очках подбочивается.

– Так не хотите вы честью, распроканальи, архибестии? – кричит он. – Где городской? Я вас!..

Два мужика снимают шапки. Некоторые пятятся.

– Не хотите, ракалии?.. За мной, анафемы, коли так!

Раздаются крепкие слова. Несколько полушубков бегут на спуск и поднимают доски. Ругательные слова звенят в воздухе. Откуда являются энергия, воодушевление! Крючник распоясывается и подает веревку. Доски положены на лед, веревка закинута, и собака спасена. Вот она отряхивается от холодной воды и робко смотрит на окружающих. «Ура!» – раздается на набережной.

– А ловко нас пробрал барин... хороший такой... ласковый... Не обругай – ни за что бы собаку не спасли... – говорят мужики.

Вдали показывается городской.

Перед праздниками

Лавка в Александровском рынке. Страстная неделя. Приказчики – кто убирает товар, кто занимается с покупателями. В конце прилавка стоит большой чайник с чаем, завернутый в старое байковое одеяло; на чайнике уместился серый кот и греется. Хозяин на пороге и по временам раскланивается с проходящими мимо знакомыми покупателями. Рядом с ним лавочный мальчик; он косится на хозяина и звонким дискантом выкрикивает название товаров. Около хозяина останавливается купец с подстриженной бородой и здоровается.

– Откуда? – спрашивает хозяин.

– Из думы. Ведь наше дело тоже подрядное, – отвечает подошедший. – Вот теперича эти самые мостовые мостить... грязь свозить. Оказия! Ну, как торгуете?

Хозяин машет рукой.

– Какая теперь торговля на Страстной... Обстоятельный покупатель скрылся, потому у него по домашеству занятие, а идет ежели, так шишгаль... Кому, к примеру, нехватка чего, или для подарков, или только что жалованье получил, а то и к ростовщику что спулил. Теперичный покупатель – горечь.

– Это точно. А нет ли у тебя ситчику какого ни на есть поплеше? Крестница у меня есть, так ей подарить надо. У швейцара крестил... Славная девочка. Подросточек, знаешь, ну так уж рядиться-то хочется... Нет ли чего из завали аршинчиков двенадцать?

– Как не быть! Толкнись к молодцам – покажут.

Купец входит в лавку и говорит:

– Комиссия это тоже перед праздниками! Тому дай, тому сунь... Всего оберут... Теперича у нас – трубочисты, из бань народ – все лезут, а отказать нельзя!

В лавке стоят покупатели: чиновник в фуражке с кокардой и его жена. Перед ними нарыт товар.

– Ну, Васеньке на рубашку купили, Манечке на бурнусик тоже... – говорит жена. – Вот Марфе надо бы платок к празднику подарить. Она такая услужливая, расторопная. У Петеньки зубки шли, так все ночи с ним маялась.

– Ну, что платок! – отвечает муж. – Действительно, она женщина расторопная... Нужно ее чем-нибудь получше наградить. На платье ей купить, что ли? Нет ли у вас ситчику какого погнилее, так, совсем плохенького? – обращается он к приказчику.

Приказчик раскладывает ситец.

– Ну нет, это не годится: у меня почти такой капот есть. Что ж кухарке в одно перо с барыней рядиться, – произносит чиновница.

– Нет ли у вас какого-нибудь совсем линючего, – добавляет муж. – Сами знаете, кухарке подарить надо. Действительно, она такая старательная... Теперь у нее посуда в кухне, самовар – жаром горят... Вы не стесняйтесь, господин торговец, показывайте... Хоть бы ежели мышами проедено было, и то ничего...

Далее в товаре роются два мужика и баба. Один мужик потребовал от ситца образчик и жует его, пробуя, слиняет краска или нет.

– Нет, родименькие, это все не то, не тот манер... – говорит баба. – Теперича перед тем как Митрофану Игнатьичу окриветь, так наезжала сюда Анисья... вот ситец так ситец брала она! Травка, а на травке букашка, и промеж всего вавилон городками...

– Эх, тетка, видно, вам птичьего молока требуется! Даром только топчетесь да от дела отбиваете, – с упреком говорит приказчик. – Нешто это модель столько товару нарыть! Ну, чего зря нюхаешь! Бери вот этот манер! Тут и зелень, и маков цвет! Пойдешь по улице, так бык бросится, корова за траву примет! Ну! Что топчешься, словно слепая в бане! Решай! С людей четвертак аршин, а с тебя двугривенный.

– Да мне бы, миленький, волдыриками хотелось, а чтоб на волдырике жук...

Приказчик выходит из терпения.

– Волдыриками! Вот как хвачу куском по затылку!.. Вчерашнего дня, видно, требуется!..

– Земляк, земляк! Что ты! Мы купим! – останавливают его мужики.

– Купим! С собой ли деньги-то? Лешие эдакие! Черти! Право, черти! Вы думаете, здесь деревня? Здесь Санкт-Петербург!

– Ну, режь, режь пять аршин на полечку! Вишь, как раскудахтался!

Входит нарядная дама. У дверей останавливается ливрейный гайдук с покупками.

– Нет ли у вас платков, какие обыкновенно простолюдины покупают? – говорит она. – Я всегда беру в английском магазине, но мне сказали, что у вас дешевле. Знаете, эдакую безвкусицу... Чтоб и зелень, и желтизна, и красный цвет...

– Есть, ваше превосходительство, – отвечает приказчик, наклоня голову набок и из учтивости как-то проглатывая слова.

– Понимаете, что-нибудь азиатское...

– Поняли, ваше сиятельство!

– Чтобы разительно действовало на грубый вкус мужика...

– Будьте покойны, ваша светлость! Пожалуйста!

– Доброты не надо, краски могут быть линючие, только бы подешевле...

– В самый раз будут. Пожалуйста!

– Ежели шерстяные, то могут быть и молью съедены...

– Потрафим! Пожалуйста!

– Мне, знаете, кухонную прислугу и дворников к празднику наградить, так чтобы им нравилось.

– Останутся довольны! Пожалуйста.

Приказчик выкидывает на прилавок платки. Дама вооружается лорнетом и начинает рассматривать товар. Гайдук косится и отдувается. Лавочный хозяин дает мальчишке подзатыльник и кивает на даму. Мальчишка бросается со всех ног и подает даме стул.

Канун Пасхи

Страстная суббота. Десятый час вечера. В квартире многосемейного купца Треухова пахнет запеченной ветчиной, лампадками. В гостиной, перед простеночным зеркалом, стоит лукошко с окрашенными яйцами, четверговая жженая соль в банке, пасха с изюмом и кулич с бумажным розаном. Лавочные мальчишки собираются все это нести святить, приютились в прихожей перед зеркалом и усердно мажут себе головы деревянным маслом. Сама, то есть хозяйка, суетится с кухаркой в кухне около печки и торопливо говорит ей:

– Ну уж это ты, Матренушка, справь как следует, а меня пусти одеваться! Того и гляди, к заутрене опоздаешь.

Около нее, держась за подол платья, стоит ее маленький сынишка и облизывается.

– Мама, дай мне кусочек... – упрасивает он.

– Нельзя, душенька, грешно теперь – это скоромное; потерпи до утра, а то поп заставит себя на кочерге возить.

Хозяйские дочки то и дело перебегают залу, держа над головами по вороху туго накрахмаленных юбок.

– Ты будешь после заутрени с приказчиком Иваном христосоваться? – спрашивает одна сестра другую.

– Ни за что на свете! Мне стыдно. Он на Вербной неделе подарил мне сахарное сердце с ликером внутри. А ты?

– Я только разик, да и то сжавши губы. Мне кажется, Катя, что он влюблен в меня. В Вербную субботу он встретился со мной в коридоре и сунул мне в руки пряник с надписью «любовь».

– Ври больше! Это он тебя за меня принял, потому дело впотьмах было.

– Пожалуйста, не заноситесь насчет вашей красоты! Я уже давно рассказала, что у вас левый бок на вате.

– Дура!

– От дуры слышу!

Молчание. Хозяйские дочки начинают на себя навьючивать юбки.

– Ну, а со старшим приказчиком, Ананьем Панфиловичем, похристосуешься как следует? – снова спрашивает старшая.

– Само собой. Ведь он старик, да к тому же у него в деревне жена есть. Ведь эти поцелуи ровно никакого чувства не составляют.

Сам пока еще в халате, сидит в зале у стола около лампы и роется в старом календаре. Мимо пробегает сама.

– Ты бы, Лазарь Калиныч, оболокался, – говорит она. – Одиннадцатый час. Опоздаем, так после и в церковь не влезем. Что за радость с мужиками стоять да тулупы нюхать!

– Сейчас. Дай только найти, в котором году у нас большое наводнение было. Первую холеру нашел, пожар в Апраксином тоже... У меня спор с Николаем Кузьмичом. Завтра придет христосоваться, а я ему и преподнесу. У нас в это наводнение сторож Калистрат утонул.

– Не воображаете ли вы, что я завтра со всеми вашими сторожами христосоваться буду? – кричит из другой комнаты старшая дочка. – Мерси! Я уж и так в прошлом году все губы об их бороны обтрепала.

– Кто тебе говорит о христосованье! Я наводнение ищу. Вот как выдерну из-за божницы пук вербы! Чего на ссору лезешь?

– Ах, скажите, как вас испугались!

Хозяйский сын, молодой франт, ходит по комнате и напевает «Светися, светися, новый Иерусалиме!».

– Это в каких смыслах вербу? – спрашивает он.

– А чтоб постегать!

– Следует. Она давеча на мою новую циммермановскую шляпу села.

Из другой комнаты доносится голос другой дочери:

– Папенька, да уймите Володьку! Он у меня целую банку помады на свою голову вымазал и теперь кота помадит.

– А вот я его! Где у меня подтяжки!

В кухню стучится дворник.

– Матрена! – кричит он. – У вас, говорят, окорок запекали. Отдай нам кожу с него. Мы в щах варить будем!

– Ну, вот еще! У нас и молодцы съедят!

– Вот сквалыги-то, а еще купцы! Вот я через это самое солдата твоего в калитку пускать не буду!

– А вот за эти срамные слова стащить тебя к хозяину! – восклицает кухарка. – Когда ты у меня солдата видел? Сказывай.

В молодцовской одеваются молодцы и тоже собираются к заутрене. Кто повязывает себе новый галстук, кто фабричит усы жженой пробкой и сальным огарком, а статный приказчик Иван чуть не в пятый раз чистит себе сапоги, несмотря на то что они огнем горят. Он то любит на каблук, то рассматривает голенища.

– Вихры бы по-настоящему в парикмахерской подвить следует, да уж теперь поздно! – говорит он.

– А ты накали на свечке старые ножницы да и закудрявься ими! – дает кто-то совет.

– А что, братцы, для чего это самая четверговая соль составляет? У нас хозяйка больше пяти фунтов этой самой соли нажгла, – слышится вопрос.

– От порчи, от глазу... Раствори в воде и спрысни человека, как рукой снимет. Домовой ее не любит! Сатана боится. Ну, и есть чудесно! Окромя того, и птиц ловить сподручно. Насыпь, к примеру, этой самой соли на хвост воробью – сейчас поймаешь!

– А говорят, господа, что ежели этой самой соли, к примеру, женщине на постель под простыню подсыпать, то так в тебя влюбится, что даже бегать за тобой начнет, – рассказывает охотник до сапогов Иван. – Только нужно при этом таинственные словеса знать.

– Это верно. Когда я у дяденьки в Кинешме по живодерному делу жил, то у нас один полицейский солдат купчиху одну присыпал, так что ты думаешь? Как нитка за иголкой за ним ходить начала. Шубу енотовую мужнину ему отдала, три самовара, лошадь, а потом со службы выхлопотала и кабак ему открыла. А и солдатенок-то ледащий был. Один ус кверху, другой книзу, да и ноздря в драке разорвана.

– Ты куда к заутрене-то?

– К Иоанну Предтече. С Марьей Дементьевной хочется похристосоваться. Вот девушка-то!

– Так женись. Чего же зеваешь!

– И женюсь, когда из приказчиков в люди выйду.

Часы бьют одиннадцать.

– Пора. Полуночицу начали!

Все в доме начинает суетиться.

Первый день Пасхи

Первый день Пасхи. Утро. У подъезда стоит щегольская двухместная карета. Кровные рысаки нетерпеливо ударяют подковами о камни. На козлах сидит жирный кучер с расчесанной бородой, на колесе примостился дворник и христосует с ним. К подъезду подходит тщедушный чиновник в поношенном пальто и в зело помятой от времени треуголке.

– Здравствуй, Микитушка, здравствуй! – ласково кивает он кучеру. – Христос воскрес! И похристосовался бы с тобой, да высоко сидишь... Ну, ничего... Считай, на парочку пивца за мной. Не уезжал еще сам-то?

– Проклажается... – отвечает кучер.

Чиновник входит в подъезд. Швейцар отворяет дверь.

– Христос воскрес!

– Воистину...

До крови выбритое лицо чиновника прикладывается к жирным щекам швейцара. Шелестит рублевая бумажка.

– Извини, голубчик, что уж без красенького яичка... В мундир-то положить некуда... Того и гляди, раздавишь. Где у вас расписываются-то? Не внизу разве?..

– Наверх пожалуйста! Илья камардин нынче у себя принимает. На наши доходы, изволите видеть, позарился и захотел сам рубли обирать, а от генерала со своей стороны потачка... – отвечает швейцар.

– Эх, Терентий Кузьмич! Не осуждай и не осужден будеши! Ведь и Илье Васильичу тоже питаться надо, а потому все мы люди и человеки... – говорит чиновник, снимает пальто и со вздохом лезет в тощий кошелек за вторым рублем для камердинера. – Вот у меня дома ребятишки: один говорит: папенька, дай, другой говорит: папенька, дай... Кому сапожонки, кому рубашонку... Ох, трудно жить на свете!..

– Это вы действительно. А фулярчик-то мне к празднику обещали?

– Повремени, голубчик... Вдруг нельзя... Все справлю, все отдам... Нынче тоже туда, сюда... и не видишь...

Чиновник начинает причесываться перед зеркалом. Плюет на пальцы и примазывает виски.

– Ну что, встали сами-то? – спрашивает он.

– Теперь прочухался, а то до одиннадцатого часа сегодня против обыкновения дрых... От французинки евойной и то уж присылали...

– Ах, Терентий Кузьмич, как это вы о такой особе и так выражаетесь. Дрыхнет! Ах, боже мой!

– Это он для вас особа, а для нас никакой разности не составляет. Отошел от места – к другому пристал. С нашим видом и теперича при нашем росте мы завсегда нарасхват. Таких швейцаров ценят. Это вот вы, так действительно... Ну, он вам и страшен! Особа! Эта особа-то вот где у нас сидит!

– Не кощунствуй, Кузьмич, не кощунствуй!

– Пожалуйте наверх!

Чиновник взбирается по лестнице, но вдруг в это время раздается звонок. Двери квартиры распахиваются, и на пороге показывается «сам» в сопровождении камердинера, который несет какой-то сверток. Голова особы трясется, губы как бы пережевывают жвачку, ноги шагают, как поленья, без сгибов. Другой лакей опережает особу и бежит вниз к карете. Швейцар выпрямляется. Чиновник как бы замер и прижался к стене. Особа наводит на него лорнет.

– Ах, это ты, Ларионов? – говорит она.

– Никак нет-с, ваше превосходительство, Гвоздев! – поправляет чиновник. – Честь имею поздравить ваше превосходительство с великим праздником... Желаю вам в здравии и благоденствии навеки нерушимо священствовать... Виноват, ваше... Здравствовать и все эдакое...

– Так, так... А ну, Христос воскрес!

– Воистину, ваше...

Чиновник стискивает губы, затаивает дыхание и прикладывается к черствым щекам особы, но вдруг на третьем разе, потеряв равновесие, летит с лестницы затылком.

Наверху сдержанный старческий смех.

– Экой ты какой! Ну, что, не ушибся? Петров? Так, кажется?

– Гвоздев, ваше... Не извольте обо мне беспокоиться, – говорит, подымаясь, чиновник. – До свадьбы заживет.

– А ты разве холост? В эдаких летах и холост!

– Никак нет-с, ваше... Это только так, к слову-с... Имею законную жену и четверых младенцев, из коих старшему шестнадцать, а младшему три года... У старшего вы изволили осчастливить и быть восприемником, ваше превосходительство...

– А, помню, помню... Варвара... Ну, пришли ее ко мне, пришли...

– Никак нет-с, ваше... сын, Николай...

– А, да, да... Николай... Это, кажется, на Песках было где-то...

– Никак нет-с, ваше... Безвыездно на Петербургской живу...

– Так, так... Ведь ты ко мне из военного ведомства переведен...

– Изволили запомнить, ваше... Я из духовного...

– Да... да... А ну, Васильев, поди, поди, распишись там для порядка...

– Гвоздев, ваше пр...

– Ну, все равно. Так что же, будем еще крестить?

– Ежели осчастливите, ваше превосходительство... Жена и то восьмой месяц пятым беременна... Будем воссылать мольбы...

– Могу, могу... Илья, напомни мне, что Петров...

– Гвоздев, ваше...

– Ну, Гвоздев...

Особа спускается с лестницы. Чиновник стоит, вытянув руки по швам.

– Со счастливой встречей честь имею поздравить, господин Гвоздев! – раздается над его ухом возглас младшего лакея, и при этом виднеется протянутая пригоршней рука.

Чиновник лезет в карман.

С визитами

Первый день Пасхи. Купеческое семейство. В углу накрыт большой стол с закуской: окорок ветчины, окорок телятины, фаршированная индейка, соленья, пасха, масло в виде лежащего на тарелке барана и целая батарея бутылок. Хозяина дома – дома нет. «Сама» и старшая дочка принимают визиты. Разряженные донельзя и напудренные, они сидят на диване и только и думают, как бы не измять платья. Тут же и восьмилетний сынишка в синеньком пиджаке. Он прыгает перед ними на одной ножке и напевает стихотворное поздравление с праздником, прочитанное им отцу и матери после заутрени.

– Христос воскрес, и к жизни вечной нам путь открыла благодать! – твердит он.

– Да уймись ты! – восклицает дочка. – Маменька, дерните его за вихор! Что он словно маюта перед глазами мается!

– Ах, душенька! Дерни сама! Я уж и то совсем раскисла, – лениво отвечает мать. – Шутка ли, целую заутреню и обедню выстоять и, почитай, больше чем с сотнею разного народа перехристосоваться! Губы и то словно сафьянные. Уж хоть бы поскорей эти визиты кончались!

– А вы зачем внастоящую? Делайте как бы без чувств, просто со щеки на щеку.

– Ох, не умею я эдак! Да к тому же мужики прямо в губы лезут. Давеча крючники от тридцати ломовых закладок пришли... А приказчики из наших лабазов? А дворники? Потом еще каких-то солдат с десятков привалило.

Раздается звонок. Дамы оправляются. Вбегает молодой гость во фраке.

– Христос воскрес!

– Воистину...

Гость христосуется с маменькой. Дело доходит и до дочки.

– Я ни с кем не христосуюсь, – жеманится она, однако соглашается.

– Врет! Врет, – откликается ее братишка. – Давеча с Михаилом Ивановичем так даже два раза христосовалась: один раз в зале при всех, а другой раз одна, в коридоре. Вот так! Раз, два, три! – считает он поцелуи. – Ну, теперь на заглядку лизни языком...

– Эдакий мерзкий мальчишка! Другой и в самом деле поверит!

Гость садится.

– Где изволили у заутрени быть? – спрашивает он.

– У Владимирской. А вы?

– А мы у Иоанна Предтечи. С Марьей Дмитриевной Андроновой дурно сделалось.

– Ну, это она нарочно... Рюмочку винца... да закусить... ветчинки?... – предлагает гостю хозяйка.

– Увольте... Признаться сказать, после заутрени понакинулись на нее, и теперь глаза бы не глядели... Куда ни придешь – везде ветчина...

– Мне и самой она претит, ну да что делать...

– Прощайте. Семену Семенычу поклон... Верно, с визитами уехал?

– Да, сначала, пока в свежести-то, к приятскому генералу уехал, ну а потом по знакомым...

Гость уходит. Входит второй. Христосованье, вопрос: «Где были у заутрени?»

– У Исакия, – отвечает гость. – Лет семь уже собирался... Восторг, я вам доложу!.. Купол освещен... Народу страсть... Просто хоть по головам ходи!.. У меня фалду у сюртука оторвали, а Лука Иваныч калошу потерял... Теснота, давка! Одну женщину на руках вынесли... Но поют – век не забуду!

– Водочки... да закусить ветчинки?..

– Водкой зубы пополощу – извольте, а ветчины – ни боже мой! И то сегодня гофманские капли принимал. На Страстной-то неделе, знаете, всякую дрянь ели, а тут после заутрени и понабросились на ветчину да на яйца... Фунта полтора съел...

– Ох, уж и не говорите! Я сама... а теперь скверно. Но все-таки без ветчины нельзя...

Посетитель «полощет зубы». Входит еще гость, очень франтоватый и красивый. Поцелуи.

– Где изволили у заутрени?..

– У глухонемых... – отрезывает гость, не дожидаясь окончания вопроса. – Поют только плохо...

– Ну, с глухонемых и требовать нельзя... – говорит хозяйка.

– Да вы думаете, они сами? Нет, любители какие-то. Где же глухонемым петь!

– Да ведь их учат... Они и на фортепианах играют и поют... и на скрипке...

– То слепые, маменька... В институте слепых... – поправляет дочь.

– Ну, подишь ты, а я перепутала! Закусить?.. – предлагает она гостю. – Ветчинки...

– Лучше ложку дегтю, а уж отнюдь не ветчины! Верите ли, один день только поел, а уж...

– Да, все жалуются... Впрочем, если с водкой, так ничего... Скушайте кусочек...

– Не могу-с, ей-богу, не могу! И то целый день мятные лепешки ем...

– Не знаю... Иным ничего... Давеча священники были, так пол-окорока съели...

Еще гость. Еще христосованье.

– Представьте, Варвара Захаровна! – восклицает он. – Нес вам двухжелтковое яйцо от своих кур и в кармане раздавил! А яйцо-то оказалось всямку... Такая оказия!

– Ах, боже мой! Ведь эдак вы весь фрак испортите... Ну, выкушайте винца за это... да вот ветчинки...

– И не напоминайте мне про эту еду! Один день, а уж до того опротивела, что все ветчиной пахнет... Давеча стакан чаю – и то ветчина! С генералом христосовался, и от того ветчиной отдаст...

– Да ведь куда ж ее целый окорок?.. Где у заутрени были?

Пронзительный звонок.

– Певчие с подворья! – докладывает горничная.

– Вот им ветчину предложите. Все съедят...

В прихожей раздается кряканье, плевки, кашель, стук сапогов, визг дисканта. Певчие входят.

Радоница

Волкове кладбище. Фомин вторник. Обедни только что кончились. По мосткам и могилам гуляет народ и христосуется со своими покойниками, зарывая в могилы пасхальные яйца. Тут и нижний военный чин, и мастеровой, и чиновник, но купец преобладает. Купец в цилиндре, купец в картузе, купец в «пальте», купец в ватной сибирке, в брюках навывпуск и в дутых сапогах бутылками. Женщин больше, чем мужчин. Нищей братии великое множество, начиная от «отставного капитана» с указом об отставке и кончая деревенской бабой с поленом вместо ребенка за пазухой. Все это скулит, стонет, хрипит пьяным голосом, распевает Лазаря и выпрашивает подаяние. Невзирая на запрещение, на могилах то и дело радостно блестит на солнце полуштоф или косушечка. Опытный взгляд заметил и четвертную бутылку, завернутую в одеяло. Идет поминовение.

На одной из могил третьего разряда приютились синие кафтаны, жилетки «травками», расписные платки и «матерчатые» платья.

– Ну, Мавра Алексеевна, распеленывайте младенца-то! А у меня тут кстати и хвостик колбаски имеется, – говорит синяя чуйка с грудью, выстроченной елкой.

– Это вы, Левонтий Максимыч, оставьте, у нас и у самих уголок пирога имеется, а только вот стаканчик разбили. Давеча у Андрианова на могиле Прохор Иваныч начали чудить, чок – и вдребезги! У соседей бы чашечки попросить, да они кофий пьют. Чашки-то все заняты. Вон и нищенка дожидается.

– Так ты крышечку от кофейника... Ведь ежели с благословением, так из чего ни пить да есть! А из крышечки чудесно!

– Позвольте, у меня сейчас посуда будет... Я из бутылочного дна... Вот бутылочка... Сыпьте в доньшко...

– Ну, вот видите, как прекрасно, а крышечку мы все-таки спросим. Пожалуйста, пока городского нет...

Из байкового одеяла показывается горло четвертной.

– Эх, Данило Кузьмич, Данило Кузьмич! Вечная тебе память! А важный был мужик, ей-богу! Третьего года, как сейчас помню, вот он здесь, а я тут... Дарья Наумовна при них тогда в свояченицах состояли. А я на холостом положении... Мавра Алексеевна, помните?

– И не говори, голубчик, не говори!.. Ох, тошнехонько... – плачет женщина.

– Сидим... хмельны грузно... Женщины по своему женскому малодушию пивко попивают, а мы водочку ковыряем. Зашел антиресный разговор насчет бутовой плиты. Он это, по своему малому уму, и вяжись в разговор... Стали о штукатурах судить... Это то есть Дарья Наумовна... А я десятник...

– Да ты пей, не задерживай крышку-то!

– Выпил. Тьфу! Дайте хоть полой отереться... Ну-с, ввязались... Судят, рядят, а мне это обидно, потому как мы, значит, десятники...

– За Митрофана-то Макарыча душу выпейте... Пейте уж и за Ульяну... Тут же похоронена.

– С удовольствием... Дай бог ей на том свете!.. Ух, крепка водка-то! Совсем яд, окаянная! Теперь ты, Иван Нилыч! Сади две сразу!.. Ну-с, так что же дальше-то?

– Сейчас... Слушал это я, слушал их бабий разговор... Да как хрясть их в ухо!..

– Это кого же?

– Да Дарью Наумовну... Не стерпел... Потому баба – и вдруг о делах... И с этого места у меня с ними первое знакомство началось. Потом через полгода сватался, а около Покрова они уж мою супружницу составляли. Дарья Наумовна, помните?

– Еще бы не помнить! Ведь вы известные безобразники!..

– Ну что ж такое? Мало ли что в хмельном виде случится!.. – откликается другой женский голос.

– Нет, позвольте!.. Они злопамятны были и долго за меня выходить не хотели, да уж сестрица их страшать начала... Ах, оказия! За упокой Никиты-то и забыли! Поднесите сначала!

– Пожертвуйте, господа посадские, трудовой динарий отставному военному, по несправедливостям судеб находящемуся в отставке с грудными младенцами и женою, лежащею на одре смерти, иде же громы и молнии!.. – раздаётся хриплый голос.

– Сами семерых собирать послали! – слышится с могилы. – Не прогневайтесь!

– Да не оскудеет рука, вливающая нектар! Господа именитые посадские!.. Гражданин Минин, спасший отечество, был простолюдин...

– Мавра Алексеевна, нацедите ему в крышечку!

– Мерси!

– За упокой сродственничков, матушка-голубушка, подайте Христа ради! – стонет старуха и останавливается перед восьмипудовой купчихой в двуличневой косынке на голове, поверх которой у нее обвязаны и уши носовым платком так крепко, что лицо купчихи налилось кровью и походит на красный сафьян.

– Сейчас, сейчас, бабушка, – говорит она, делит облупленное яйцо ножом на несколько частей и подает старухе. – Вот это за упокой Исидора, это за упокой Андрея, Нимфодоры, Трифона, иеромонаха Серафима, трех Петров... Постой, постой, я еще раздроблю... Это за новопреставленную Пелагею...

Старуха ест.

– Девятое яйцо сегодня, матушка, – шамкает она. – Все сухомятка одна, хоть бы чайку испить, что ли... Не пожертвуете ли насчет денежной милости, сударыня?..

У купчихи подвязаны уши, и она плохо слышит.

– Что, бабушка? Что? Мыльца? – спрашивает она. – Какое же мыло на кладбище? Что ты! А ты домой ко мне зайди. Кринкины на Обводной канаве... Там всякий укажет... Приходи, приходи, я дам обмылочек и огарочек стерлиновый дам...

– Дура глухая! Вишь уши-то законопатила! Дай ей копеечку! – кричит над самым ухом купчихе купец.

– Копеечку? Сейчас, сейчас, родненькая!

«Со святым упокой», – доносится откуда-то пение.

На перевозе

Легкий ледоход на Неве. Вечереет. От плота перевозной пристани только что отвалил пароход. На плот между тем то и дело спускаются желающие переехать через Неву, жалеют, что опоздали на пароход, и садятся в ялики. Тут чиновники, мастеровой народ, охтянки с кувшинами и корзинками на коромысле и неизбежный солдат. На плоту топчется, между прочим, не то купец, не то артельщик, не то мастеровой-чистяк; просторное пальто с «запашкой», картуз с широким дном и сапоги раструбой. Он пощипывает бородку, смотрит на отходящий пароход и говорит:

– Отошел! Ах, чтоб ты мухи съели! Вот оказия-то! А уж как мы торопились в этот сельдяной бочонок попасть – беда!

– Купец, купец! Садись скорей! Сейчас отчаливаем! – кричит перевозчик.

– В ялик – ни в жизнь! Чтоб я в эдаком виде и в ялик – ни боже мой! У нас тоже супруга с младенцами в деревне здоровствует!

– Садитесь скорей в ялик, сейчас перевезут, – говорит ему смотритель перевоза.

– Невозможно-с... Коли ежели в ялик – аминь!.. Потому мы, изволите видеть, хмельные... Были у кумы Варвары Митрофановны на кофии и, по нашему малодушию, семь стакшков этого самого стеклярусу засобачили!

– Вы не очень пьяны... Сидите только смирно, и ничего...

– Невозможно этому быть-с... Сейчас баланс могу потерять. Чуть маленько что – и сковырнулся: нам тоже без покаяния не приходится, потому христиане. Нет, уж лучше пароходика подождем... Дозвольте, ваше благородие, на скамеечку присесть, а то как будто уж и на плоту качает...

Купец садится.

– Вы парохода напрасно будете ждать... Очень может быть, что он последний рейс делает.

– Ну, тогда только отдохнем, а потом кругом... А на ялике – ни боже мой, потому сейчас баланс потеряешь. Мы тоже свою препорцию знаем... А вот посидим, сигарочки покурим... Семь стаканчиков... Вот оказия-то!

– Зачем же вы пили столько?

– Нельзя, ласковость... Все младенцы подносили. Подходит это крестница: «Тягенька крестный, выкушайте» – саданули! Потом другая, и от земли-то младенца не видать, а тоже стакшек в ангельских ручках несет – тягнули! Кума в пояс... Ах ты господи!.. Опять двинули!.. Яичком закусили, сигарочки покурили – крестничек подходит... стаканчик так и блестит радостно – опять опрокинули. Четверо младенцев... сами учтите... Ну, сама пятая. Потом посошок на дорожку, а после посошка – чтоб не хромать... Я бы и кругом, на мост проехал, барин, это нам наплевать! Да по сухопутной дороге соблазна много: куда ни взглянешь – везде красная вывеска... А мы по нашему малодушию сейчас это все капернаумы исследовать начнем... Где пивца поклюешь, где бальзамчику дербалызнешь.

– Садитесь в ялик и сидите смирно, я вас благославляю. Вы не очень пьяны...

– Нельзя этому быть-с... А вдруг среди этой самой Невы мне фантазия в голову вступит, ну и давай безобразничать... Ведь у нас младенцы в деревне.

– Коли так, значит, поезжайте кругом.

– И поедем. Будьте покойны... Вы генерала Вахрамеева не изволите знать?

– Нет, а что?

– Я так, к слову... Душа, а не генерал... Мы им песок поставляем. Как только придешь к ним на фатеру, сейчас это они в серебряном стаканчике и подносят. А полковницу Скоромину не знаете? У них сын – банный арендатель.

– Не знаю.

– Чудесно! Эх, барин, ты мне по нраву пришелся! Нет ли у вас тут чего выпить?

– Окромя воды, ничего нет.

– Так, может, можно перевозчика в погребок послать? Я б тебя мадеркой попотчевал. Свистни-ка молодца-то?.. Мы и ему пяточок на шкалик прожертвуем.

– Нет, нет, это строго запрещено. Иди уж лучше домой.

– И пойду. Эх, уж больно мне похороводиться-то хочется, а не с кем! Я теперича не токма что с тобой, барин, а даже с легавым псом путаться готов, потому в голову вступило! Едем к купцу Самолетову на танцы – ледеру выставлю! Настоящего ледеру!

– Нельзя, мне здесь распорядиться надо.

– Ну коли так, прощенья просим! Давай руку на счастье! А загуляю, ей-богу с каким хочешь стракулистом загуляю!

Купец взбирается по лестнице на набережную и кличет извозчика.

В сквере

Петербургская ранняя весна. Восемь часов вечера, а на дворе еще свет белый. Косое солнце золотит верхушки домов. Смолкает мало-помалу городской шум. Бегут домой гостинодворцы, покончившие торговлю, бегут мастерицы, двенадцать часов кряду гнувшие спину за шитьем, и по дороге заходят отдохнуть в скверы. Михайловский сквер более других переполнен публикой. По дорожкам шныряют уличные фланеры с папиросами во рту и заглядывают под женские шляпки. Скамейки почти все заняты. Дорожки перед скамейками исчерчены зонтиками и палками. Вот какой-то юноша впери́л взор вдаль и с нетерпением посматривает на часы. Тут же приютилась и дамочка под вуалью и с книгой. Она делает вид, как будто читает, но на самом деле даже и книгу-то держит кверху ногами. На голых прутьях кустарников чирикают воробьи. По дорожке около калитки бродит военный писарь в фуражке набекрень и насвистывает арию «Все мы жаждем любви, это наша святыня».

– Дай Христа ради рубль серебра до завтра. Глафира Ивановна просит угостить ее шоколадом, а у меня ни копейки, – шепчет серая поярковая шляпа своему товарищу. – Не угостить – вся интрига полетит к черту.

– Притворись холодным и разочарованным. Это иногда лучше бывает. Вместо шоколада заведи разговор о смерти. Сразу на сердце подействуешь.

– Да неужто ты мне не можешь поверить рубля серебром!

– Чудак! Ну как я тебе поверю, когда у меня его нет? Я сам занял у хозяйки восемь копеек на апельсин Марье Ивановне...

– Ах ты, господи! Вот история-то! – восклицает франт. – Тут любовь разыгрывается, а в кармане ни копейки! Она и записку любовную приняла, вздыхает, начертила зонтиком мой вензель на песке...

– Говорю, заведи разговор о смерти, и она сейчас о шоколаде забудет.

– Ну тебя к черту!

Губастый старичок подсел на скамейку к молоденькой мастерице с зеленой коробкой в руках, оперся подбородком на палку, скосил на девушку глаза и начинает с ней разговаривать:

– Погода, душечка, какая прекрасная... Так и веет эфиром любви...

– Это, даже можно сказать, совсем напротив! – отчеканивает девушка.

– Все благоухает: как природа, так равно и вы...

– Это до нас не касается.

– А что, ангелочек, есть у вас папенька или маменька?

– Не в ту центру попали.

– Коли нет родственников, и чужой старичок приголубить может. Старенькие-то лучше, хе-хе-хе!

– Ах, оставьте, пожалуйста...

– А братец... Например, эдак, двоюродный?..

– Пожалуйста, без интриги...

– Верно, приказчика из Гостиного ждете или чиновничка махонького. У меня их, барышня, целый десяток под началом, этих чиновников-то.

– Подводите ваше коварство под самого себя.

– Хотите, купидончик, я вам виноградцу куплю, яблочек? Или, может, пряничного гусарика?

– Совсем в нас не та политика, ошибаетесь...

Девушка встает с места, идет по дорожке и садится на другую скамейку. К ней подходит молодой человек в серо-голубом галстуке и с маленькими бакенбардами, напоминающими ключья пакли.

– Петя!.. Петя! Ну что ты так долго? Как тебе не стыдно! – восклицает девушка. – Сейчас ко мне какой-то старичишка приставал и разные интересы насчет любви заводил!

– Ах, он мерзавец! И ты не могла его сразу отчалить? Где он? Покажи мне его.

– Да вон на той скамейке... Вон палка и шляпа виднеется... Глаза по ложке и зубы, как у верблюда дикого. Такой противный!

– Ах, он скот! Да я его в три дуги! Три ребра высажу! Переносье вывихну!..

– Оставь, Петя! Теперь уж кончено. Он не пристанет!

– Не могу я, мой ангел! Должен же я тебе любовь мою доказать! Ах, он леший анафемский! Что ни на есть сквернецки выругаю! Да что тут! Просто два зуба вон, и делу конец!

Молодой человек засучивает рукава пальто и бежит к указанному месту. Девушка бросается за ним.

– Петя! Петенька! Брось! Ну что за радость в часть попасть? – кричит она.

– Оскорбление женщины! Нет, это я так не оставлю!..

Он останавливается за спиной старика, скрещивает на груди руки и, подняв кверху голову, говорит:

– А позвольте вас спросить, господин дерзкий нахал, по какому праву?..

В это время старичок оборачивается, взглядывает на молодого человека, и тот мгновенно превращается как бы в соляной столп. Руки опустились как плети, огненный взгляд превратился в какой-то телячий...

– Ваше... ваше... ваше... превосходительство! Виноват, ваше...

Картина.

На пожаре

Вечер. Зарево пожара. В одной из улиц Петербургской стороны загорелся дом. На каланче выкинули сигналы. В отдалении слышен стук едущей во всю прыть пожарной команды. Народ бежит по улицам. Некоторые на ходу надевают на себя чуйки и полушубки. На пустопорожнем месте за горящим домом стоит самая разношерстная толпа мужчин и женщин и любуются зрелищем. Разговоров и острот не оберешься.

– Вишь, как садит! Ах ты, господи! А ведь этому сарайчику не устоять!

– Слизнет и его. Это верно. Вон занимается. Даже и дымок пошел.

– Владычица! Вот страсти-то! – шепчет какая-то женщина. – А что, не слышали, от чего загорелось?

– От огня.

– Дурак!

– От трубки, бабушка, от трубки. На сеновале огонь показался.

– Ври больше! От самовара, сказывают. Кухарка начала ставить самовар, а тут солдат пришел! И кухарка-то такая ледяная, от земли не видать! Только один мелочной лавочник на нее и льстил, – говорит чиновник в халате. – А! Иван Иваныч! И вы здесь?

– Да ведь нельзя же, помилуйте! Всю улицу осветило! Мы уже хотели спать ложиться. Я водку на ночь пил, да только, знаете, хотел бараночкой закусить – вдруг бежит теща: «Батюшки, горим!» У меня и ноги подкосились. Смотрим, однако, – далеко. Анна Ниловна здорова ли?

– С сынком возится. Зубки у него идут. А мы в стукалку по малости играли... Все канитель шла... Пятнадцать, восемнадцать копеек... потом пошли ремиз за ремизом. Распопов поставил рубль двадцать... я в первой руке с тузом стукнул. Рад. Вдруг кричат: «Пожар!» Ну, разумеется, Распопов сейчас схватил деньги и драло! Такая досада! Две взятки бы взял. Теперь ни за что не отдаст.

– Смотрите, смотрите, как интересно мезонин занимается! – восклицает взрослый гимназист. – Сейчас стекла лопаться начнут. И ничего не вынесено, говорят. Вот ежели бы теперь вытаскивать, так еще можно спасти. Пойдемте, Григорий Павлыч, хоть что-нибудь вытащим.

– Ну тебя! Еще притянут! Стой здесь... Ведь хорошо стоять, так и стой!

От пожарища прибегает нагольный тулуп.

– А знатно садит! Ей-богу! – говорит он, отряхиваясь. – Теперь три части приехали. И давно бы уж покончили, да воду качать некому. Меня как есть всего облили. Даже за шиворот попало! Нет! Интересно, там, братцы, кошка... Вот потеха-то!

– Ну, а брандмайор там?

– Там. С ним офицеры какие-то в высоких сапогах прогуливаются. Я через двор перебежал... Мочи нет... даже волосы скручиваются – вот как жарко!

– Ну вот, Прасковья Дмитриевна, я вам рассказывала насчет тараканов-то, а вы не верили... Моя правда вышла, – разговаривают две старухи. – Уж как тараканы из дома пойдут – непременно к пожару!

– Да ведь у вас не горит. Вы совсем в другой улице живете.

– Это все равно. А только тварь всякая, она не в пример больше человека чувствует. Была, знаете, у нас собака старая, Валетка... Позвольте... В котором году Клим-то Климыч окривел?..

– Это действительно. Вчерась всю ночь собаки выли... – откликается кто-то.

– Братцы! Да что ж вы стоите-то так зря! Шли бы покачали воду-то! – обращается к мастеровым какой-то усач в фуражке с красным околышком. – Там, говорят, в народе недостаток...

Мастеровые пятятся.

– Ничего. Сейчас солдат пригонят, и все будет чудесно! – отвечают они.

– Эдакие вы бесчувственные!

– А ты сам сунься, коли тебе слободно!

– Что? Ах вы мерзавцы! Вот полюбуйтесь, господа, до чего нынче народ распушен стал!

Грубить, ракалии, смеют. Да ты кто такой? Кто ты такой, я тебя спрашиваю? А?

– Ну! Дело до драки дойдет!

– Сам идет! Сам идет! – раздается где-то возглас. Несколько лиц снимают шапки. Делается движение.

Кто-то падает в лужу.

– Где? Где? – слышится возглас.

– Да вот! Нешто он не сам идет! – Шутник и указывает на подходящего к толпе купца в сизой мучной сибирке.

– Чудак! А мы думали...

Купец подходит к толпе, подбоченивается и передвигает картуз со лба на затылок.

– Вишь ты, как садит! – бормочет он. – Ну, теперь большую силу забрал. Строеньев пяток скосит! Смотри! Смотри, каким снопом пламя-то выкинуло! Это беспрременно священная книга или икона горит!

– Коли ежели от молоньи загорелось, так парным молоком тушить следует. Вы, Ардальон Иваныч, из лабаза-то не вытаскиваетесь?

– Нет, у меня застраховано. Вон у Трифона сейчас кабак занялся, так там вытаскивают. Только, разумеется, выпьют все.

– Кабак! Ах ты, господи! Это угловой-то? Не может быть! Скажи на милость! Братцы, кабак загорелся! – идет говор.

В среде мастеровых делается движение. Несколько чуек подбирают полы и бегут к месту пожара. За чуйками, подмигнув друг другу, плетутся туда же и два чиновника в халатах.

Ледоход

Ледоход на Неве. На Николаевском мосту у перил столпилась публика и смотрит, как налетевшие на каменные быки моста громадные льдины дробятся на мелкие куски и исчезают в пролете. На бог весть откуда принесенных льдинах виднеется то полено, то стоптанный башмак, то обруч от бочки. Публика о каждой вещи дает свое заключение; происходят даже споры. Вот проплыла застывшая собачка.

– Эх, собачка-то хорошая! Одна шкура пятиалтынный стоит, – говорит кто-то.

– Думала ли она когда-нибудь...

– Ну, уж и хорошая! Просто енот, что лает у ворот! Надо полагать, волки зарезали... Эки льдинищи громадные!

– Громадные! Нет, ты посмотрел бы в наших местах. Вот льдины так льдины!

– А вы какие будете?

– Новгородские, с Волхова. Соснинку знаешь? Так восемь верст оттелева. У нас повза-прошлый год, так одна льдина трех баб несла. Что визгу-то было! Страсть! Спасали...

– Ну, и эта льдина трех баб выдержит!

– Надо прежде всего знать, какие бабы! Нешто у нас такие бабы, как здесь? Здешние одно слово – мразь. А у нас баба крупная, мягкая... Нашу бабу, ежели на весы прикинуть, – любая семь пудов вытянет!

В разговор вмешивается лакей со шляпной картонкой в руках и в деньщицкой фуражке.

– Видали мы этих самых новгородских-то баб! – говорит он. – Много их вон у Никольского рынка стоит. Ничего они из себя не составляют.

– Нет, это вы оставьте! Наша баба на любого мужика выйдет.

– А запречь бы ее в нашу работу, так посмотрел бы я...

– Вы по какой части?

– В прислужении состоим.

– У немца?

– Нет, у русского, только семерых немцев стоит. Покоя нет! В семь часов встань, вычисти три пары сапог, поставь самовар, убери комнаты, а кормит щами – ложкой ударь – пузырь не вскочит! Лошадиная работа! Вам голенища выростковые не надо ли?

– Нет, мы по малярной части.

– Купца Бородулина из-под Невского не знаете?

– Нет, а что?

– Так, ничего. Теперича днем: накрой стол, набей папиросы, заправь лампы, – смучил совсем!

– Это Бородулин-то?

– Нет, я про своего дьявола. Давеча послал на Невский за шляпой... приду, уж наверно ругается!

– Да и немудрено, любезный! Давеча я к обедне шла, ты тут стоял; теперь от обедни иду, а ты все еще стоишь, – вставляет свое слово какая-то старушка.

– Вы чего вмешиваетесь? Вам бы уж по вашей старости давно умирать пора! – огрызается лакей и, заметив молодую и румяную бабу в синем кафтане, подошедшую к перилам, тотчас подвигается к ней.

– Эх, баба-то какая важная! – цедит сквозь зубы купец.

– Вам, умница, чего? – упирает руки в боки маляр и тоже подходит к ней. – Вы не новгородские ли будете?

Красивая баба обращает всеобщее внимание. Стоящий около нее солдат крутит ус и начинает поводить бровями. Даже мальчишка из мясной лавки с корзинкой на голове и тот,

засунув себе палец в рот, как-то глупо улыбается. Баба держит в руках записку и просит ее прочитать. Записку эту тотчас же вырывает у нее лакей, вертит в руках, смотрит в нее и объявляет, что он неграмотный. Смех.

– Давай сюда! Разберем, – говорит маляр, берет записку, долго шевелит губами, что-то складывая про себя, и тотчас же отдает ее обратно, прибавив: – По печатному-то мы ничего, а вот по писаному-то плохо... Да вот купец разберет!

Записка попадает к купцу. Тот прежде всего для чего-то нюхает ее; потом оборачивает, смотрит на свет.

– Вот что, чудесная! – отвечает он. – Без очков-то я не очень... Были бы очки, прочел...
Пойдем со мной, по дороге прочтут.

– Зачем по дороге?.. Вон мальчонка прочтет! Паренек, прочти!

– Давайте я прочту! Я всякую книгу разбираю! – раздается возглас.

Но записка уже у мальчишки. Сзади заглядывают в записку десяток голов.

– «У Покрова, у купцов, спросить Силантия...» – читает он, но вдруг роняет с головы корзинку, рассыпав лежавшую в ней говядину, какие-то свертки, брусок мыла и бутылку с маслом. Бутылка разбивается вдребезги.

Делается суматоха. Баба бежит. Народ следует за ней. Со всех сторон слышатся предложения проводить ее, только один солдат молчит и взглядывает на бабу.

– Пойдем к Покрову! Там у меня брат в слесарях живет! – зовет маляр.

– Давай я тебя доведу! Мне как раз до Большого театра! – кричит лакей.

– Умница! Садись в пролетку! Я тебя к самому месту предоставлю! – восклицает купец.

– Не слушай его! Заведет! Ах ты, старый грешник! Туда же еще седую бороду отрастил!

Делается перебранка. Провожатые останавливаются и машут руками. Образуется толпа. К толпе бежит городской. А между тем вдали по другой стороне моста статно выступает красивая баба, камень раздора толпы, и самым уже любезным образом разговаривает с провожающим ее солдатом.

На именинах

Купец Иван Панкратьевич Настегин – именинник, вследствие чего, по выражению жены, с утра уже ходит в каком-то хмельном обалдении. Вечер. Собираются гости. В прихожей раздаются звонки за звонками. Сам именинник суетится в прихожей. Слышен кашель, плевки и возглас «с ангелом!». Лавочные мальчишки протаскивают через залу гостинные приношения в виде сладких пирогов и кренделей и складывают все это в спальней. В зале в углу уже накрыта закуска. Гости входят, крестятся на висящий в углу образ и тотчас же привлекаются хозяином к закуске. Мужчины глотают, не отказываясь, что попало; дамы жеманятся и пьют только сладенькое; девицы, здороваясь друг с другом, целуются так звонко, что, будь тут извозчицья лошадь, она, наверное, приняла бы эти поцелуи за понукание и тронулась бы с места. Ломберный стол давно уже раскрыт. Хозяин усаживает мужчин сразиться в стукалку, дамы отправляются с хозяйкой в спальню, девицы, взявшись под руки, мотаются из угла в угол по зале.

У играющих за ломберным столом начинаются разговоры.

– Вы, купец из лоскутного ряда, что скажете?

– В кусты.

– А вы, мусорное очищение?

– Мы стукнем, потому у нас все, кроме осетра и стерляди!

– Эй, господин подрядчик, не радуйся первому коню! Как бы дышлом в затылок не заехали! Ну, где наше не пропадало. Попробуем вразрез купить.

– Не посрамитесь насчет посрамления-то! У нас тоже карты супротив ледохода выдержат! Ходу!

– А вот марьяжной карточкой пройдем. Ну-ка, вались, комар и муха!

– Купцом Овсянниковым прикроем.

– Не выгорит. Пиши письмо к родителям, потому у нас только и живота, что туз. Хлоп его! Не ходи один, а ходи с провожатой.

– А здесь мать Митрофания с девяткой в петличке. Умыли купца! Ставь, ставь, Петенька, ремиз-то, не стыдись!

Девиц занимает совсем другое.

– У вас, Анинька, в Ямской нынче постоя не было? – спрашивает хозяйскую дочь розовенькая гостья в розовеньком платье.

– Нет, душечка, нет. Такая досада! Разве перед майским парадом что бог пошлет, а то из военной нации только одних городских и видим. Вчера, впрочем, мимо окон казак с книгой проехал. В Марии Египетския у Ивановых были на именинах, так там были два телеграфиста, да разве это настоящие военные? Они и деликатного обращения-то не понимают.

– Берейтора насчет деликатности хороши. Совсем за офицера отвечать могут.

– Ах, нет, нет, Машенька, не говорите! Совсем уж не то! Разве берейтор напишет вам такое письмо, какое мне один офицер написал?

– Ах, Аня, Аня, покажи скорей! Где оно?

– Ни за что на свете. Я его храню как бы на дне моря. Во-первых, оно у меня от маменьки в старом чулке спрятано, чулок в альбоме, альбом в коробке, а коробка в нижнем ящике комода. Да я его и наизусть помню. Начинается так: «Земной купидон, окрыленный ореолом безумной любви, Анета!», а в конце стихи:

Лишь только солнце закатится,
Как я пойду в реку топиться,
А что с тобой может случиться,
Мне там, коварная, приснится!

– Анечка, Анечка! Расскажи, что же в середине-то письма было? – пристают к девушке подруги.

– Ах, нет, нет! Ни за что на свете! Там были самые ужасные любовные слова!

– Голубушка, хоть на ушко шепни, ведь ты меня своим другом считаешь!

Девушку окружают и целуют.

Теперь дамы... Дамы в спальне больше молчат, пьют киевскую наливку, дремлют, но по временам щупают друг на друге платья и спрашивают: «Почем покупали?»

– А что, бывает ли град с гусяное яйцо? – задает кто-то вопрос. – В древности это случилось в виде наслания за грехи...

– Не думаю. С куриное бывает, а про гусяное не слыхать. Да ведь сейчас бы и в ведомостях написали.

Молчание. Кто-то икает и крестит рот.

– Тоже уж это и ведомости нониче, – начинает полная дама с десятком колец на пальцах. – Так хлещут, так хлещут народ, что беда! Слышали вы, как Герасима-то Степаныча отщелкали в этих ведомостях?

– Нет, не слыхали. А что?

– Вдруг пишут, что у него волчий зуб во рту, что будто он своей жене ухо оторвал и что у него вместо бороды перья.

– Ах, боже мой! Вот срам-то! Неужто так и сказано: у Герасима Степаныча перья?.. И фамилия выставлена?

– Нет, фамилия-то, говорят, не выставлена, только он сейчас догадался; потому пропечатано, что это тот самый купец, которого в рынке Скипидаром дразнят. Тоже и про Марью Дмитриевну свекровь...

– Ну, ту-то стоит. Та сама ягода. Покойник Николай Тихоныч из-за нее семь лет без просыпу пил, да так в пьяном виде и Богу душу отдал.

– Что же, голубушка, про нее сказано-то, расскажите...

– Ведьмой названа.

– Чудесно! Чудесно! Вот за эту штуку, кажется, расцеловала бы этого писаку! Ведь вы не знаете, что это за дрянь такая! Наклонитесь-ка, что я вам про нее и про их кучера расскажу...

Начинается шепот. Дама передает другой даме. Все качают головами.

– Неужели? – раздаются сдержанные возгласы.

– С места не сойти, родная! – подтверждает рассказчица.

Вдруг в столовой раздается крик:

– Батюшки! Что это я хватил! Ах ты, господи! Жжет! Жжет!

Все бросаются на крик. Мужчины тоже встают из-за карт.

– Что такое? В чем дело? – слышны со всех сторон вопросы.

– Ничего, ничего! Это так, – успокаивает хозяйка. – Наш молодец Иван прокрался в столовую, схватил с окна бутылку да и ну пить из горла. Думал, водка, а в бутылке-то был керосин.

– Так что же, дайте ему скорей молока.

– Не беспокойтесь, пройдет! Это с ним уже не первый раз.

Делается легкая суматоха.

В день Преполовления в крепости

День Преполовления. На Петербургской стороне праздник. Отошли обедни, кончился крестный ход по стенам Петропавловской крепости, а народ все еще не расходится по домам, бродит по двору, прогуливается около бастионов, читает надписи, перевирает исторические события, возобновляя их в памяти. Красавицы Петербургской стороны все в сборе, местные франты все налицо. Много и пришлого народа. Где народ, там и торговля. Разносчики предлагают с лотков сласти и самые разнообразные мелкие товары, начиная с тростей и гуттаперчевых хлыстов и кончая душистым мылом и гребенками. Орехи и подсолнечные зерна истребляются в неимоверном количестве. Тут же и татары-торговцы с набивными ситцевыми платками, шарфами и цветными чулками. В числе публики есть и пришедшие издалека целыми семьями.

Вот отставной ундер с нашивками на рукаве и с красным коленкоровым зонтиком в руках, вот его жена – разбитная баба с ребенком, свояченица – молоденькая девушка, не то горничная, не то мастерица из магазина, и ее жених – мастеровой из чистяков: сюртук новенький, фуражка с заломом и глянцевым козырем, цветная жилетка «травками» и серебряная цепочка поверх жилетки. Женщины останавливаются около разносчика и начинают покупать апельсины. К ним подскакивает жених.

– Позвольте, Варвара Андреяновна! – восклицает он. – Прежде всего надо узнать, чьей фабрики эти самые апельсины, а то сейчас надуют. Я вам выберу.

Мастеровой начинает щупать апельсины.

– Да полно тебе мять, – останавливает его разносчик. – Апельсины у нас первый сорт, елисеевского завода.

– Врешь, врешь! Вот это елисеевские, а это черт знает чьи. Вы тоже ловкачи! Берите, Варвара Андреяновна, это корольки будут.

С ундер-офицерским семейством встречаются еще две женщины и издали машут платками.

– Смотрите, смотрите, сама городовиха с писарыней! – шепчет ундер-офицерша. – Ах, язвы! Вот рожи-то клюквой покрасили! Матрена Митревна, здравствуйте! Какими судьбами?

– С той стороны. Мы кругом через Николаевский мост. Верите, смучились даже. Третьего дня на Волковом, вчера на параде солдат смотрели, сегодня сюда. Побоялись уж через перевоз-то. Говорят, грех по сухопутию-то: уж коли сказано Преполовление, так через воду и переполовляться следует, а мы на мост. Ну, да Бог простит. Вот придумываем знакомых на Петербургской, хотим в гости зайти.

– Толкнитесь в московские казармы. Ведь Петр Сидорыч-то, кажется, там прежде служил.

– Ну вот! Пойдем мы в гости к солдатам! Мы теперь совсем на другой ноге, – отвечает городовиха и крутит головой в голубой шляпке. – Вы знаете, мой муж даже на линии околоточного состоит, так нужно же нам себя соблюдать!

– Ну, вахтеру Бонбаренке в корпус.

– Мы в ссоре. Петр Сидорыч по своему благородству на Пасхе с ним из-за карт подрался.

– К Василисе Ивановне.

– Скажите! Пойду я ко всякой дряни! Вы об нас совсем не тот сюжет понимаете. У Василисы Ивановны и щи-то деревянными ложками хлебают. У нас на Петербургской и штатские чиновники знакомые есть, да мы и супротив их себя соблюдаем. Наша компания теперь – офицеры. Вы знаете, нашему приставу я даже кумой прихожусь. Прощайте! Мы теперь догоняем одну нашу знакомую докторшу.

– Заходите к нам, Матрена Митревна.

– Некогда, голубушка. Я теперь, как свободное время, все стихи в книжке читаю. Прощайте.

Городовиха и ундерша расходятся и смотрят друг другу вслед.

– Дрянь эдакая! – шепнет себе под нос ундерша.

– Мерзавка! – восклицает городовиха.

А вот и два юных чиновника, завитые бараном. Один в длиннополом пальто, другой в натертом мокрой тряпкой цилиндре и в серых брюках со штрипками. У одного галстух небесного цвета, у другого – ярко-огненный.

– Гриша, обернись назад. Смотрит Вера Павловна мне в затылок? – говорит небесный цвет.

– Смотрит и улыбается, – отвечает ярко-огненный.

– На пальто любитесь?

– На него.

– Ну, пусть ее страдает, а мы не будем обращать внимания. Так-то с девицами лучше.

– Счастливец ты, Вася! Ей-богу, счастливец! И какое благородство чувств это длинное пальто придает. Всякий человек в нем на барона смахивает. Бьюсь, бьюсь, не могу сшить. Шутка – тридцать пять рублей! Думаю уж дружественную лотерею разыграть.

– Что ж ты разыгрывать-то будешь при своей наготе?

– Чижа ученого, дяденькину табакерку с музыкой и бисерный кисет, что мне Надежда Евграфовна подарила. Потом у казначея красенькую вперед возьму. Есть у меня две пары голенищ и ручка от зонтика для татарина. Вот тебе и пальто! У нас в департаменте лотереи любят.

– Да, брат, длиннополое пальто – важная вещь. В Радоницу на Смоленском я через него с купеческой вдовой познакомился, у балаганов на Пасхе одна полковницкая дочка от меня чуть с ума не сошла, теперь Вера Павловна страдает, да еще в Летнем саду буду сердца покорять!

– Ах, какая прелесть у тебя это пальто! Верись, у меня даже слюна бьет! – умиляется товарищ.

– Я вот хочу еще калоши с машинками себе завести.

– Что ты, калоши с машинками тебе совсем не к лицу!

– Дурак!

– От дурака слышу!

Начинается перебранка.

Танцевальный вечер в немецком клубе

Воскресенье. Немецкий клуб. Танцевальный вечер в полном разгаре. Оркестр играет польку. Дирижер Вухерпфениг раскланивается с эстрады со знакомыми и совсем не в такт помахивает смычком. Музыканты не смотрят на него, дескать, пусть его балует. По зале носятся танцующие пары и поднимают пыль. Все танцуют так усердно, как будто бы им за это платят огромное жалованье. Перчаток нет и в помине. Вот длинноволосый блондин с покрасневшим лицом только что оставил свою даму и тяжело дышит, отирая свое чело платком.

– С девятью дамами отмахал, не останавливаясь, – говорит он товарищу. – Хочу уж до дюжины добить.

– Да из чего ты хлопочешь-то?

– От лихорадки лечусь. Ни хинин, ничто не помогает, так думаю танцами...

– Коли так, так попроси вон ту толстую брюнетку. Она одна тебя взмылит. Что твоя ступа! Уж я давеча возил-возил ее по зале, инда смучился. Хочу оставить, а она говорит: «Еще». Как бульдог, вцепилась в меня.

– Что ж, это я сейчас...

И блондин, еле переводя дух, бежит к полной даме.

Кадриль. Все мастерские модных магазинов имеют тут своих представительниц. Вот пара: молоденькая, но довольно уже полинявшая девушка в кокетливо сшитом шерстяном платье и красивый брюнет с усиками и в пиджаке.

– Вы по какой части? – спрашивает она кавалера.

– В разных департаментах служу.

– А я думала, что вы здешний клубский актер. У вас такое лицо актерское.

– Вот это мне совсем в контру. А меня в прошлом году все за часовых дел мастера принимали.

– Здесь, говорят, даже и трубочисты есть, только их признать трудно. Скажите, пожалуйста, вы в самом деле чиновник?

– Никак нет-с, это я в шутку. Я из Перинной линии, только чувства у меня совсем военные. Вот и номер нашей лавки. Загляните, когда мимо проходить будете. Берите больше, не стыдитесь, у меня целая сотня этих адресов, – говорит кавалер и достает из кармана пачку карточек. – Берите десяток.

– Да куда их мне?

– Знакомым раздадите. Мы, знаете, из процентов у хозяина служим, так чем больше нашей лавки публичности, тем для нашего брата лучше. Вы ведь модистка? Не отнекивайтесь, не отнекивайтесь, по облику сейчас вижу! Так вот как придете в господский дом с заказом, сейчас и заткните нашу карточку за зеркалом. Тут все товары обозначены.

– Ну вот еще, стану я такие фокусы делать!

– Я вас апельсином за это угощу и мороженым попотчую. Нам начинать шестую фигуру, – спохватывается он. – Давайте галопом! Смотрите, как я своего визави локтем в спину двину!

Пара обхватывает друг друга и несется.

В буфете встречаются двое.

– Что больно весел? В мушку кому полушубок начистил, что ли?

– Нет, на бильярде купца выпотрошил.

– Здешний купец-то?

– Нет, с воли.

– Велики ли потроха-то?

– Одна румяная, две канареечных да синенькая.

– Вишь, собака! Семнадцать рублей укусил. Потчуй.

– Что ж, это можно. Чего заковырнем-то?

– Сначала горностаю по баночке, а потом пивным лаком покроем. Господин буфетчик, действуйте нам по рюмочке!

Прятели подходят к буфету.

Вред и польза конно-железки

Полный вагон конно-железной дороги на всем ходу. Публика самая разнообразная: мрачные, улыбающиеся, пытливые и бессмысленные мужские и женские лица – все перемешалось. Вот пехотный офицер, сидящий перед полной и красивой дамой, старается принять воинственный вид. Он крутит ус и хмурит брови. Вот девушка, поместившаяся против молодого чиновника с портфелем, то и дело закатывает глазки под лоб и складывает губы сердечком. Какой-то жирный купец в упор смотрит на бабу в синем кафтане, как бык на мчащийся поезд железной дороги, и тщательно рассматривает ее лицо, рисунок ситцевого платка и даже старается проникнуть взором в имеющийся в ее руках узел. Некоторые начинают заговаривать.

– А ничего эта самая конно-железка из себя не составляет, только деньгам извод, – говорит тощая сибирка, у которой длинная шея до того перетянута платком, что даже лицо налилось кровью. – Теперича шел бы пешком, а тут на пятак разоряться – потому соблазн! А извозчики-то как плачутся – боже упаси!

– Нет, этого вы не говорите, за господина Губонина с Башмаковым завсегда можно трехкопеечную свечку поставить, – откликается пожилая женщина. – Во-первых, проезд, а во-вторых, польза, потому народ друг с другом знакомится. Некоторые даже судьбу свою кончают. Вон у меня на квартире чиновник из поштама стоял, так тот в вагоне познакомился с одной дамой, в вагоне о приданом узнал, в вагоне посватался...

– И в вагоне женился? – перебивает кто-то.

– Нет, вы не смейтесь. Они вместе ездили. Сначала он под нее коварные улыбки подводил, а она все вздыхала, потом узнал, что у нее от первого мужа перина и два самовара остались, потом донюхался до двух пятипроцентных билетов с выигрышами, а она тонко заметила, что у нее и енотовая шуба цела, потом пошел он ее проводить до квартиры да там и остался навсегда... Теперича возьмите какая дешевизна: пять копеек – и полгорода едешь!

– Зато сапожникам плохо, – настаивает все та же тощая сибирка. – Теперь возьмите то: кто прежде шестеро подметок под сапоги подкидывал, теперича подкидывает трое, потому все на езде.

– Это-то и хорошо. Тут люди счастье выуживают. Жила у меня девушка из акушерок, в отрепанном салопишке бегала, а теперь в коляске ездит, а все в вагоне со старичком познакомилась. И ему отрадно на старости, и ей тепло и не дует. Тут есть люди, которые совсем неспроста ездят, а высматривают.

– Так ведь это мораль! – горячится сибирка. – А морали-то мы много наберем. Теперича кондуктора... С моим кумом даже была оказия. Состоят они при супруге, а сами подрядами занимаются, ну и все больше по трактирам... Супруга – кровь с молоком. Проехали они раз по железной дороге и упали на грудь кондуктора, который их с места снимал. Это супружница-то... Чудесно! Понравилось это самое падение, потому кондуктор – мужчина молодой и статный, и что ж вы думаете? Каждый день начали ездить раз по десяти и все ему на грудь падать. Нет, каково! Потом часы ему подарили, а тут вот около Благовещенья и совсем от мужа сбежали. Ну где же тут польза от этой конно-железки, спрашивается?

– Ну нет, все-таки!.. Вы возьмите, какое общество. К примеру, я простая женщина, а часто рядом с генералом сажу, а супротив меня какой-нибудь граф помещается. Мало вам этого?

– Это все ничего-с, мы и супротив одного архиерея за обедом на похоронах сидели, а все-таки ничего не говорим! А для извозчиков, будем так говорить, рано ли, поздно ли – могила! То ли дело на линеечке! Качает это тебя, словно в люльке, едешь мимо трактира, остановился и зашел выпить. А вагон-то как остановишь? Смотришь – пятак и пропал! А для пьяненького? Ну как ты пьяненький сядешь? Тут и трезвый-то не всякий вскочит! А теперича затылочное

разбитие, рук и ног извихляние! Ну, а это? Хотите парей держать, что сейчас этот самый вагон с рельсов сойдет? А уж извозчик-то с рельсов не сойдет! Нет! Однако что ж это я? Симеоновский переулок уже... Прощенья просим, господа!

Сибирка подымается с места и начинает выходить.

– Земляк, послушайте! Вы по какой части? – окликает его до сих пор молчавший купец.

– Мы-то? Мы извозом занимаемся, восемнадцать легковых закладок держим, – отвечает сибирка и юркает к выходу.

В Екатерингофе

В первое мая гулянье в Екатерингофе. Длинной вереницей тянутся экипажи по аллеям Екатерингофа. Убожество и роскошь перемешались. Вот похоронная карета с заколоченной гвоздем дверцей и ободранным нутром, битком набитая ребяташками незначительной чиновной птахи; вот роскошная коляска, служащая подводой восьмипудовому калашниковскому купцу с супругой. Вот так называемая купеческая тележка «вылезавшего в люди» кулака-мещанина; вот и яковлевская эгоистка купеческого сына «из современных». Крашенные камелии в бархатных тальмах и крашенные камелии в брюновских цилиндрах и шармерских пальто-халатах. Гарцуют всадники, плетется плебс по дорожкам. Звучит бойкая французская речь, и звонко раздаются русские ругательства – не ругательства злобы, но ругательства восторга. Военные оркестры слились с завыванием шарманок и писком «петрушек». Орут «песельники», а немного подальше, соблазнившись их примером, затянули «Собачку верную» и звонкоголосые капорки-полольщицы в ярких расписных платках. Вокруг баб толпа. Мастеровые и фабричные заигрывают с ними, кидая в них ореховую скорлупу.

На скамейке приютился молодой человек. Он сидит затылком к пешеходам и рассматривает катающуюся публику. К нему подсаживается небритая личность в холодненьком линючем пальтишке. Отек лица, измятый цилиндр набекрень, пестрые брюки с бахромой и в пятнах, хриплый голос, развязные манеры – вот вам его портрет.

– Дозвольте, благородный милорд, сигарочку закурить... – говорит он. – Мерси. Вы отодвигаетесь от меня? Напрасно. У меня тело грязно, но душа чиста. Один мудрец в одном месте сказал... Ну, да черт с ним! Это вы на катающихся любуетесь? Отлично! Много поучительного, особенно кто вот праведное житие знает сих волкодавов...

Измятый цилиндр поднимает руку и прямо указывает на проезжающего в коляске купца с купчихой.

– Верьте совести, что это торговое чрево и моими динариями начинено, – продолжает он. – Вы на меня смотрите, когда-то и я с регалией в зубу в трех колясках разъезжал, а теперь вот вместо регалии копейную силуву дубинозу курю. Пардон, что махоркой беспокою...

– Ничего, мне очень приятно, – отвечает молодой человек.

– Приятно? Шарме. Честь имею представиться. Пьер из купеческих оболтусов! А на фамилию мою вам наплевать! Три каменных дома и четыре лавки с лесным двором на одном шампанском пропойл. Все сии рысачники знают меня чудесно, прогуливали со мной, и ни одна шельма не кланяется. Желаете для сокращения времени, я вам и их биографии расскажу?

– Пожалуйста.

– Аveck плезиp. Вот эта шельма в коляске когда-то в Красном Селе в лагерях фруктами торговал, а теперь два каменных дома имеет. Пароль донер! Расторговался и стал молоденьких джентльменов деньгами ссужать. Сто рублей даст, на двести расписку возьмет, потом на векселек переписшет и так далее и далее – смотришь, радужная-то в тысячерублевое достоинство и превратилась. А потом с вексельком-то к папеньке или к бабушке: «Так, мол, и так, а хотя мы и люди махонькие, но все-таки вашего сродственничка и в долговом покормить можем». В Сибири места мало! Побывал у него в когтях и аз многогрешный. А уж что он этих самых купеческих оболтусов запутал – про то лишь осетровские да вьюшенские кабинеты знают! Пардон! Вот еще экземплярчик! Алхимик, доложу вам! Из меди золото делает. Медиум, даже можно сказать, был, ибо вес золотого браслета, например, мог увеличить до бесконечности единственно одним прикосновением собственных перстов с легкой примесью растопленного свинца. Алхимическая тайна его унесена в могилу его безвременно погибшим приказчиком, и теперь он спокоен. Пожалуйста, одно к одному. Березова бумажную фабрику знаете? Так это вот на стоялом рысачке-то его бывший артельщик. Обделал на левую ногу и скромненько

фабрику бумажных картузов открыл да, прикрываясь сим ремеслом, и давай по дисконтной дорожке ходить! Десяточек векселишек меленьких учет, смотришь – через полгодика их уже полтора десятка делается. Крупных векселишек не брал, растут плохо, да и векселедатель об них хорошо помнит, а сторублевеньких да побольше, побольше! И уж какой же мастер насчет каллиграфии – беда! Усача в коляске видите? Военным писарьком когда-то бегал, потом у нотариуса служил, подтибрил векселишечков крупного домовладельца Сорокина, из копейки их в полтину обратил, домик купил каменный, сыт по горло, а суньтесь теперь к нему, так коли можно рубашку с вас снять, снимет! Ну, надоел я вам! Пожалуй, и ассе! Прежде всего, адье, а потом не одолжите ли келькшоз пур буар? Ей-богу, холодно, да к тому же и ливрея-то моя ветром подбита.

Линючее пальто встает с места и делает под козырек. Молодой человек дает ему гривенник.

У гор

Кишмя кишит народ около масленичных гор и балаганов на Марсовом поле. Все слои публики слились воедино. Костюмы поражают пестротой. Какой-то гул стоит в воздухе от звука шарманок, гармоний, завываний трубных оркестров, балаганной пальбы, говора и выкрика разносчиков; французская речь гувернантки, сопровождающей разряженных в пух и прах детей, перемешалась с ласковой руганью мастерового. Трещат орехи на зубах пригородных румяных красавиц в шугаях и «пальтичках», приехавших погулять под горами. Ласково летит им в затылок ореховая скорлупа, брошенная ловеласом в новой чуйке и в картузе с заломом. Мерно выступает жирный купец в еноте, надменно расхаживает рослый ливрейный гайдук среди мастерового племса. Пахнет угаром самоваров, махоркой... Больше всего привлекают к себе «стариками»-балагуры на каруселях; немало собирает около себя народа и живой медведь, прогуливающийся на балконе зверинца.

– А жалко вот этого зверя мучить, – рассказывает нагольный тулуп, – потому между ними зачастую и оборотни попадают. У нас в деревне один мужик три года в медведях жил под прикрытием.

– Это для чего же? – задает кто-то вопрос.

– А мать прокляла за непочтение. Уж после и спохватилась, молебны начала петь, кутью по дороге бросала – ничего не помогло, пока положенных годов не выжил.

– Да ты не врешь?

– Спроси Митрофана-плотника. Он ему шурин приходится.

Около балагана с вывеской «Американка огнеетка 10 лет и геркулеска» стоит купец с ребятишками в лисьих тулупчиках. Ребятишки так и разинули рты, глядя на вывеску, на которой изображена лежащая на воздухе женщина, черт, скелет и две отрезанных человеческих головы. Балаганщик зазывает публику:

– Пожалуйте, господа, сейчас начинается! С кого за кресло полтину, а с ребят и солдат половину.

– Все ли, как на вывеске обозначено, представлено будет? – спрашивает купец.

– Все до капельки. Пожалуйте!

– И головы резать будут?

– Отрежут в лучшем виде.

– А ну-ка побожись.

– Зачем же божиться, а только без обману. Пожалуйте, ваше степенство. Только вашу честь и дождаем. Сейчас начинается.

– А игра будет настоящая или только одни разговоры без действия?

– Хорошая, самая нильская игра. Пожалуйте!

– Ну что же, пострелята, хотите нильскую игру посмотреть? – спрашивает купец ребятишек.

– Хотим, тятенька, хотим.

Купец распахивает шубу, лезет в карман за бумажником и подходит к кассе.

Тут же у кассы и двое мастеровых в синих кафтанах поверх тулупов. Они уже взяли билеты и мотают ими в воздухе.

– Постой, погоди! Прежде справка! – восклицает один. – Послушайте, земляк, у живых людей головы-то резать будут? – спрашивает он у зазывающего балаганщика.

– Зачем у живых? За это в Сибирь попадешь, а тут одно представление.

– Ну, коли так, давай деньги обратно, потому это обман.

У кассы спор.

– А как же у Берга-то настоящего арлекина пополам режут? – спрашивает кто-то.

– Так же и будут тебе настоящего резать! Отвод глаз и больше ничего! Потому у них машины. Машинами и штаны в виде невидимой силы снимают, машинами и по воздуху летают. Так, третьего года через машины эти самые и петух несся, машинами же у нашего хозяина и бумажник вытащили.

На балкон выходят музыканты в красных фесках. Лица у них вымазаны сажей.

– Спиридонов! Ты как сюда попал? Господи! И арапом вымазался! – кричит одному из них снизу солдат.

– Четырнадцать человек здесь из нашей роты, – откликается с балкона вымазанный.

– Можешь нас задарма провести?

– Коли бы ты был женской нации – с удовольствием. А мужчин – ни-ни! От хозяина воспрещено.

– Иди сюда вниз! Сходи! Мы попотчует.

– Воспрещено актерам в костюмах по улице бегать. Да мы и хозяйским добром довольны.

– Ну, коли так, прощай! Кланяйся Анне Микитишне. Голенища-то продал?

– Продал.

Солдат отходит.

Вывеска с изображением толстой женщины, на груди у которой гиря с надписью: «16 пуд». Внизу толпа.

– Вот силища-то, братцы! Шестнадцать пудов на персях держит? Эдакую и не потреп-лешь, коли ежели в жены попадетя! – раздается возглас.

– Где потрепать! Сама сдачи даст! Так звезданет, что кверху тормашками полетишь!

– А у нас на Калашниковой был один крючник, так одной рукой восьмипудовый куль держал, а другой двухпудовой гирей крестился.

– И с этой самой бабой, сказывают, один купец в Москве кулачное состязание имел, – вмешивается в разговор бараний тулуп.

– Ну?

– Обхватила его одной рукой, смяла под себя, наступила коленкой и говорит: смерти или живота?

– Что же купец?

– Сначала сто рублей ей отдал, чтобы помиловала, а потом затосковал, затосковал, что его баба обидеть могла, пить стал, повихнулся в уме, а теперь на цепи сидит. И ведь какой купец-то! Никому спуска не давал. Домашние все в синяках ходили и по чуланам от него прятались. Вот поди ж ты! На медведя один ходил, а тут от бабы сгинул.

– Мороженое хорошее! Господа посадские! Кто взопрел? Подходите! Угощу прохладительным! – выкрикивает мороженщик.

Около него стоят два мастеровых мальчика и лакомятся, слегка подувая на стакан с мороженым.

На балконе каруселей старик с льняной бородой свистит на рукавице под звуки оркестра. Против него пляшет молоденькая нарумяненная девушка в тирольском костюме и в серых шерстяных перчатках. Внизу опять гогочущая толпа. Меломаны поощряют танцорку, кидая в нее ореховой скорлупой и огрызками пряников.

– Эх, девушку-то жалко! – сострадает внизу сердобольная душа. – Такая из себя любовная и вдруг в эдакое ремесло пошла!

– Известно, подпивают! С трезвых глаз актеркой никто не сделается! – откликается другой. – Как хмель мало-мало отойдет, ей опять на каменку поддадут. Вот она и не может опомниться.

– А есть иные из ихней сестры и в люди выходят!

– Редко. А впрочем, года два назад тут одна черномазенькая ломалась. Из лица, что херувим. Пришел мясник один богатеющий на каруселях покататься. Увидал ее – тут ему смерть

пришла! Сейчас это ее в свою шубу лисью завернул и домой. Теперь на конях катается. Дом ей каменный за Нарвской заставой подписал!

– Блины с пылу! Блины с жару!

– Сбитень горяч! С молочком, с перечком угощу! Господа нагольные купцы, поддержите коммерцию! – выкрикивает сбитенщик.

– Братцы, смотрите, драка! – раздается возглас.

– Где? Где?

Толпа отхлывивает от представления и бежит созерцать любимое русское зрелище.

В биржевом сквере

В биржевом сквере выставлены на продажу попугаи инсепарабли, канарейки. Есть обезьяны и морские свинки. Тут же в числе привозных зверей русская белка в колесе, чиж в клетке, подтаскивающий себе пищу в маленькой тележечке. В будках лают барбосы самой обыкновенной дворовой породы, выдаваемые, впрочем, за иностранных собак. На столах разложены раковины всех величин; тут же в банках золотые рыбки, ящерицы. Около столов и клеток бродят голландцы, немцы в куртках, из-под которых виднеются шерстяные вязаные фуфайки. Важно, заложив руки в карманы своих брюк и покуривая коротенькие трубки, они, как-то стиснув зубы и нехотя, говорят с покупателями только по-немецки, отзываясь незнанием русского языка, но, сцепившись с какой-нибудь чуйкой, ругаются по-русски так отчетливо, хорошо и сочно, что любой ломовой извозчик признал бы за ними полнейший авторитет в этом деле. День ясный, но гуляющих в сквере очень немного. Выдаются купец с купчихой, барыня с компаньонкой и ливрейным лакеем, двое ребятишек в сопровождении няньки, голова которой покрыта набивным платком с изображением карты Европейской Турции, и двое не то мастеровых, не то артельщиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.